

Алексей Кононов

ЛОГИК

Издательские решения
По лицензии Ridero
2018

УДК 82-3
ББК 84-4
К64

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Кононов Алексей
К64 ЛОГИК / Алексей Кононов. — [б. м.] : Издательские
решения, 2018. — 416 с. — ISBN 978-5-4490-2825-9

«ЛОГИК» — вторая книга из серии «ПЕРЕКРЕСТКИ МИРОВ».
Планета Небо. Родиться логиком в Пирамиде Золтуса — то еще испытание. Быть низвергнутым на первый уровень и выжить — везение. Взять в попутчики заклятого врага и решиться уничтожить самое могущественное создание в Пирамиде — безрассудство, на которое способен только Кира...

УДК 82-3
ББК 84-4

18+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ISBN 978-5-4490-2825-9

© Алексей Кононов, 2018

Планета Небо.

Родиться логиком в Пирамиде Золтуса — то еще испытание.

Быть низвергнутым на первый уровень и выжить — везение.

Взять в попутчики заклятого врага и решиться уничтожить самое могущественное создание в Пирамиде — безрассудство, на которое способен только Кира, носящий титул главного убийцы Крестострела.

Однако сначала необходимо добраться до последнего уровня Пирамиды.

...И это, пожалуй, самый извращенный из всех способов самоубийства.

Хотя заклятый враг сказал бы иначе — судьба!

СЕРИЯ «ПЕРЕКРЕСТКИ МИРОВ»

ИНТУИТ

ЛОГИК

ЧЕЛОВЕК

ЛОГИК

глава первая

УБИЙЦА НА ДНЕ

Заказ был простой и хорошо оплачиваемый. Марк — мой секретный работодатель из Склепа — небрежно швырнул бумаги на стол. На трех тоненьких листочках было полное досье на сына начальника цеха.

Бегло просмотрел содержание, выуживая самое ценное: «Калиб, кровь Анцифера. Шестнадцать лет. День Вступления в Силу состоялся. Проживает в четвертой парсе Крестострела на улице Скорлупы Мира. Особая пометка: привилегированный логик. Работает, как и его отец, на заводе по синтезированию пищи, должность — ответственный за работу структурных схем».

Когда берешься за *такую* работу, скорость и внимательность должны быть развиты на уровне рефлексов — от этого зависят личная репутация и, как следствие, будущие гонорары. Моя репутация всегда на высоте, а потому гонорары неприлично большие.

— Двадцать процентов сверху и половину всей

суммы вперед! — потребовал я.

Марк вопросительно уставился на меня. Пришлось пояснить:

— Четвертая парса, особая пометка, высокая должность.

Даже беглого знакомства с досье было достаточно, чтобы понять, что после ликвидации этого пацана проблем не оберешься.

— Кира, ты лукавишь, — он сидел в кресле, закинув ногу на ногу, и спокойно покачивался взад-вперед. — Тебе этот заказ — раз плюнуть. Работы на один день.

— Мне — да, — согласился я. — Но вот неприятности, которые могут догнать днем позже, в стоимость работы не входят.

Марк сделал вид, что смеется. Все они в Склепе только делают вид, что проявляют эмоции, — тут они лучшие во всем Крестостреле. На самом деле это игра, ложь. А Марк — обыкновенный торгаш. Уверен, за этот заказ он получил кругленькую сумму, поэтому двадцать процентов сверху для него сущие пустяки.

— Об этом я как-то не подумал, — признался он, поднимая руки вверх, — сдаюсь.

Затем полез в стол и, достав пустую ячейку-сферу ярко-оранжевого цвета с темными пульсирующими прожилками, наполнил ее Механизмами Времени. — Вот, — сказал он, подтолкнув ячейку ко мне, — остальное получишь после выполнения работы.

Надо признать, принимать оплату от Марка каждый раз доставляло мне истинное удовольствие. Его личные Механизмы Времени всегда были чистые

и качественные, не чета Механизмам даже богатых менял и дельцов, а уж тем более завязтых пьяниц и бездельников. У последних они вообще просто мусор.

Из Склепа я вышел в самый разгар дня: полуденное солнце припекало плечи и голову. Поэтому до сумерек успел не торопясь переодеться в рабочий костюм: крепкие и легкие ботинки, местами потертые штаны, майка с высоким воротом и прочный балахон до колен с глубоким капюшоном, хорошо скрывающим лицо ночью. Вся одежда была темного цвета, сшита по прошлогодней моде специально на заказ: имела множество удобных потайных карманов и не стесняла движений. В такой и драться сподручно, и убегать легко. А главное, она полностью скрывала следы Катарсиса на моем теле — три дюжины тонких синих полос. Я, возможно, единственный из трех миллионов жителей Крестострела, кто носит такие отметины. А во всей Пирамиде логиков, перенесших подобное наказание, наверное, единицы, и уж точно они не находятся на самом первом уровне, как я. Четвертый, пятый уровни — там да, еще могут встретиться, но уж точно не здесь.

Синие полосы, как назло, тут же напомнили о своем существовании — разболелись в самый неподходящий момент, чего, если вспомнить, до этого вечером не случалось ни разу. Обычно они давали о себе знать только поутру, когда снилась мать. После таких снов хоть на стенку лезь — боль и гнев просто захлестывают.

Трактир «На Дне», в котором я уже час как сидел, непринужденно болтая с барменом по имени Кло-

квер, а на самом деле добывая необходимую мне информацию, располагался на улице Кричащих Во Мраке. Улица находилась в самом углу Пирамиды, народ тут не то чтобы сумасшедший, но фанатичный точно. Весь Крестострел утверждал, что это чертом забытое место, и я полностью согласен с всеобщим мнением.

— Ты впервые тут? — спросил бармен, подкручивая жесткие, как проволока, усы.

— А что, заметно? — вполне искренне удивляюсь я и заказываю очередной стакан воды и порцию курительного синтез-табака.

Клоквер, ловким движением вынув из-под стойки колбу с жидкостью, наливает ее содержимое в трубку-испаритель и протягивает мне. Сам же берет — подумать только! — деревянную трубку, лезет в карман за свертком и, развернув его, набивает чашу ароматным табаком.

Я уважительно киваю. Настоящий табак на Пирамиде — дорогое удовольствие для бармена. Единственный способ его заполучить — выкупить на Открытых Балконах Золтуса, и то если прямо с ходу перехватить у патрульных, которые ограбили кого-то в пустоши, далеко от Пирамиды.

Клоквер, шевеля усами на квадратном лице, выпускает клубы горького дыма и, явно довольный произведенным эффектом, доверительно сообщает:

— Безуминки у тебя нет в глазах. Одержимости эволюцией, которая в крови у каждого, кто живет в четвертой парсе. Да ты ее и сам скоро разглядишь в других, коль не местный. На заводе смена кончается, а день сегодня особый. Скоро тут места свободно-

го не найдешь. Так что оставайся.

Мысленно ругаю себя за то, что какой-то бармен так просто вычислил мою непринадлежность к этому району. А он тем временем продолжает:

— Калиб, кровь Анцифера, устраивает праздник в честь своего прошедшего Дня Вступления в Силу. Представление будет особым.

На слове «особым» он делает многозначительный акцент.

Новость будоражит, однако я сохраняю невозмутимую физиономию, лишь слегка добавив ей заинтересованности. Вот это повезло так повезло! Так быстро обнаружить жертву, которая к тому же сама скоро явится! Такого со мной еще не случалось. Настроенное от хорошей новости портила только усиливающаяся боль — синие полосы пульсировали все чаще, разливая неприятные ощущения по всему телу.

Легкой заинтересованности вполне хватило, чтобы бармен начал трепать языком об «особом» представлении.

— Калибу отец одну деваху-скиталицу подарил. Ну, чтобы поразвлекся. Сам понимаешь, — подмигивает Клоквер, — что пацанам в этом возрасте надо...

Я с недоверием посмотрел на бармена. День Вступления в Силу приходится на шестнадцатилетие любого логика. Подарить девчонку сыну в этом возрасте, на мой взгляд, полный идиотизм. Да и вообще, дарить одного логика другому, пускай он и скиталец, живущий за пределами Пирамиды, дикость. Ладно был бы интуит плененный, еще куда ни шло!

— Я ведь откуда знаю, — заметив мое недоверие, засуетился Клоквер, — скиталица ему через мою

наводку досталась. Есть у меня один знакомый — Хантер, торговец на Открытых Балконах. Так ему эту девчонку патруль принес. Сказали — крепкая, раз столько в Путнике пролежала, что прямо под Пирамидой. А она, видать, пролежала долго: глаза чисто сиреневые стали, даже оттенка песочного нет. Вот так! У меня тут тогда сам Анцифер сидел, раздумывал, чтобы этакое сыну организовать. Ну я и навел. А он мне вот — табак и трубку за это дело, — похвастал бармен.

Теперь понятно, откуда трубка. Ни один бармен себе такого никогда не позволит, даже самый зажиточный.

— А что девчонка, сколько дней в Путнике провалялась? — лениво поинтересовался я, а про себя подумал: и вправду крепкая должна быть, раз глаза утратили песочный оттенок, а она жива осталась.

Путник — зачарованный город, образовавшийся прямиком под Пирамидой. То ли это антигравитационные свойства так воздействуют на пространство под ней, то ли еще что, но только Путник назван Путником, потому что, куда бы ни полетела Пирамида Золтуса, на которой мы все благополучно обитаем, он следует за ней. Само пребывание в этом городе опасно. Порой там можно такое встретить, что с разумом навечно проститься легче легкого. Еще и всю силу, все Механизмы Времени высосет без остатка. В общем, неподготовленные умирают там через три дня, подготовленные — часом позже. А девчонка продержалась явно больше, что просто удивительно.

— Да говорят, что три. А то и три с половиной, —

шепотом добавил бармен.

Три. Нет, не может быть, чтобы три. Если бармен не врет насчет сиреневых глаз, там минимум пять. Он-то никогда не видел окоченевший труп пятидневной давности в Путнике, а мне доводилось, правда, давным-давно. Так вот, у того и то радужка имела еще небольшой песочно-желтоватый оттенок. Зрелище не из приятных, зато в память впивается, как клещ в кожу.

Подумать только. И как патруль не прочухал? Девчонка-то, видать, непростая, раз город не смог забрать ее себе полностью. Таковую не к торгашам на Балконы Крестострела надо было тащить, а хотя бы на седьмой уровень — к спецам.

Сделав затяжку из трубки-испарителя, задумчиво выдыхаю облако сладкого сизого дыма. Что-то тут не сходится.

— В общем, и дня не прошло, как Анцифер выкупил девчонку у Хантера, — снова заговорил Клоквер. — Сначала выхаживал ее пару дней, есть давал, прислуга раны ей залечивала — уж больно сильно та была исцарапана. А потом живехонькую-здоровехонькую сыну вручил.

От мыслей о том, что он с ней проделывал, меня передернуло. Статус Привилегированного логика дается только за усердие в процессе приобретения силы, после сдачи соответствующего теста. Силу приобретают разными путями, но суть всегда одна — воспитание *нечувствительности*.

— Уж не знаю, зачем ему это сдалось, но сегодня он Луну сюда приведет. Вон народ уже начал подтягиваться. Через пять минут будет не продохнуть, —

пожаловался Клоквер.

Луну...

Он сказал — Луну!

Мысли в голове лихорадочно заметались, воскрешая погребенные под слоем боли воспоминания, а отметины заныли пуще прежнего.

— О, а я ошибся — ты все-таки местный! Вон и у тебя безуминка в глазах поселилась. Быстро четвертая парса народ под себя подминает. Ну, представление сейчас начнется, а ты, я вижу, хочешь посмотреть, — Клоквер захохотал металлическим смехом и удалился. Заметил, что мне уже не до него.

Я остался наедине со своей безуминкой, а может, уже и не безуминкой, а настоящим полноценным БЕЗУМИЕМ. Оно довольно часто посещает меня, причем случается это обычно по утрам. Но чтобы вот так, посреди вечера, — впервые в жизни. Ну да, именно безумие. Как еще назвать то состояние, в котором я просыпаюсь вот уже восемь лет после очередного сна о матери?

Четверть часа спустя мое нутро, пытающееся побороть боль, уже содрогается от мелкой ритмичной тряски. Терпеть меня научили с малых лет, а потому мало кто из окружающих мог заметить, что с логиком, тихо-мирно покуривающим испаритель, что-то неладно.

Сказать, что народу собралось много, значит ничего не сказать. За крошечный отрезок времени они налетели сюда, как оборотни на свежее мясо. Появился и Калиб с девчонкой. Та была явно старше его лет, может, на пять или шесть. Темноволосая, худая как щепка, со смуглой кожей и широко распах-

нутыми глазами. Стояла рядом смиренно, не пытаясь вырваться и убежать. И правильно, что не пыталась. Умная. Эти быстро догонят, да так, что подняться потом с асфальта не получится.

Между тем Калиб встал у своего стола, явно собираясь что-то сообщить присутствующим. Луна искося взглянула на него. Всего на секунду, на мгновение, но во взгляде ясно читалось желание, чтобы все твари в пустоши отдирали по куску от этого малолетнего ублюдка, пока он не сдохнет, корчась в муках.

Приглядевшись, можно было понять причину ненависти, которая была более чем очевидна: на теле девчонки виднелись следы многочисленных побоев. Самые глубокие раны были наскоро залечены — явно для того, чтобы было куда вновь приложить силу. За то время, пока она находилась в подчинении Калиба, ей досталось по максимуму.

— Логики! — торжественно заговорил Калиб. — Сегодня вы сделаете очередной шаг на своем пути к эволюции. Благодаря отцу у меня есть возможность усовершенствовать свою способность НЕ ЧУВСТВОВАТЬ, и я готов поделиться с вами.

Пораскинув мозгами, начинаю понимать, зачем он притащил сюда девчонку. Уверен, она тоже это знает. Последнее, что может сделать Калиб в своем стремлении стать совершенным логиком, способным *не* чувствовать абсолютно ничего, это устроить массовую драку с изнасилованием, а в финале — публичную казнь. Сегодня он к ней и пальцем не притронется, сегодня он — наблюдатель, истребляющий в себе любые возможные зачатки жалости. Венец творения эволюции логиков. Само совершен-

ство. Тщеславная, гордая пададь. Все в этом баре — пададь.

— Именно в подобной тренировке заключается наше развитие. Это закономерно, это — эволюция. Кто такие логики? — он выдержал эффектную паузу и, не дожидаясь ответа, продолжил: — Это те, кто в состоянии осознать суть любого **движения** или **процесса**. Те, кто способен благодаря осознанию им управлять.

Калиб перевел взгляд на Луну, стоящую рядом, и сделал пасс рукой. Девчонку отшвырнуло в центр зала, попутно она сшибла своим телом несколько столов и стульев, которые под восторженные возгласы толпы с грохотом разлетелись в стороны.

— Вам всем известно, что сила понимать суть любых процессов заложена в нас природой, — продолжал он. — Наш внутренний сосуд вмещает сотни тысяч частиц Механизмов Времени. Это не просто разменная монета, на которую можно здесь, в великой Пирамиде Золтуса, купить что хочешь. Это ресурс, который мы расходует, чтобы созидать. И внутренний сосуд тем больше, а частицы Механизмов Времени тем чище, чем меньше мы чувствуем. Потому что чувства и эмоции — прямая противоположность логике вещей и осознанию сути движения.

Калиб говорил как по учебнику. Все логики знают эти прописные истины. Каждый давно усвоил, почему закипает вода в чайнике, почему река течет в определенном направлении, почему движется время. И каждый из логиков в зависимости от объема внутреннего сосуда и качества частиц Механизмов Времени, которые в нем находятся, может обернуть

любой из этих процессов вспять. Вода в чайнике заледенеет, река замрет на месте, а время замедлится до одного-единственного бесконечно долгого момента. Объем и качество вырабатываемых частиц зависят от усердных тренировок логика. Такие эмоции, как сопереживание, жалость, гнев, любовь, ненависть и другие, неизбежно перевешивают чашу весов в сторону его бессилия, а вот воспитание в себе невосприимчивости, отрешенности от чувств, другими словами, *нечувствительности* к окружающему миру — прямой путь к могуществу. Но путь этот многообразный. Есть тысяча возможностей обрести силу. Калиб и жители четвертой парсы выбрали способ причинения боли и игнорирования чужих страданий. И непростительно далеко в нем продвинулись.

— Сегодня, — наконец сказал он, — мы разделим с вами очередной урок. Встанем на ступень выше. Обретем долю могущества, положенного нам от рождения.

С этими словами он указал на Луну. Та уже поднялась и стояла на ногах.

Думал, все кости себе переломала, а она в очередной раз удивила... Все сильнее убеждаюсь, что девчонка не должна была тут оказаться.

— Примите свой урок! Возьмите эту женщину и с помощью нее получите законную силу. Таковы правила Крестострела, таков закон эволюции Пирамиды Золтуса! — на этой высокой ноте Калиб закончил и, после того как все уставились на Луну, медленно сел, продолжая зорко следить за происходящим.

Среди собравшегося сброда были и уже подвы-

пившие, и просто безумные логики, готовые к самым решительным действиям. Первые добровольцы нашлись мгновенно.

Превозмогая уже не на шутку разыгравшуюся боль, я поднялся со стула и отошел от барной стойки, чтобы не терять из виду свою жертву и выбрать подходящий момент. Шумиха была мне на руку: пока все заняты девчонкой, мой нож успеет пройти по шее Калиба, не привлекая ничего внимания.

Однако то, что произошло дальше, не входило в мои планы...

Это случилось в тот момент, когда бутылка, зажатая в чьей-то твердой руке, разбилась о край стола, превратившись в острую стеклянную розу. Бугай с пришибленной рожей, похрустывая костяшками пальцев, разминал кисть для ударов, два других с не менее отталкивающими физиономиями на ходу расстегивали ремни с тяжелыми бляхами, сбрасывая ненужные, по их глубокому убеждению, штаны.

Это случилось в тот момент, когда наблюдавшая за всем этим Луна рассмеялась. Да так громко, что надвигающаяся на нее толпа сначала замерла от неожиданности и лишь спустя секунду двинулась дальше. Луна плакала, понимая, что сейчас умрет в страшных муках, и одновременно смеялась, потому что глупость логиков была настолько очевидной, что не могла не вызвать смеха: они свято верили, что, причиняя страдания другим, поступают во благо.

Это видели она, я и... Луна.

Мира не стало.

Миг. Мгновение. Бесконечность... Одно всегда следует за другим. Память всегда хранит воспоминания. Какими бы они ни были. А это видение — словно живое создание — само приходит каждую ночь. Когда сумерки становятся густой, непроглядной осязаемой чернотой. Это видение — единственное живое из всего, что у меня осталось. Оно хранит фрагмент времени более чем восьмилетней давности, и фрагмент этот всегда один и тот же:

«На лице, шее, руках, ногах и животе Луны отчетливо видны синие тонкие полосы. Луна была наказана, но за что? — я гадаю об этом всякий раз, когда вижу следы наказания — очищающего Катарсиса. Луна сама выбрала такой способ очищения, а позже его выбрал и я.

Луна стоит на сырой земле, облаченная в серый боевой балахон. Лязг мечей и шепот все разрушающих на своем пути слов окружают ее как вихрь.

Луна стоит посреди поля битвы и плачет, однако улыбка не сходит с ее лица. «Она что, счастлива?!» — недоумеваю я, не в силах поверить мыслям, посмевшимся родиться в моем собственном сознании. А затем кристально чистый меч молнией проносится по ее шее. Кажется, я слышу хруст позвонков, отделившаяся голова гулко ударяется о землю и откатывается в сторону, путаясь в собственных русых волосах. От меча исходит красный пар. Густая кровь мгновенно испаряется, не оставляя следов на лезвии.

Это была моя мать... Луна — так ее звали. Интуит, убивший ее, впивается своими ледяными глазами в мои. Злость закипает у меня внутри. И продолжает кипеть еще долго после того, как я открываю свои гла-

за в мире».

Мир вокруг мертв. Он замер в бесконечной, крохотной единице времени. Существо, которым я стал, понимает, что Кира не так уж и далеко — всего-то на дне. Этот новый я — на самом деле чистейший логик, сознание которого погружено в багровый туман боли и неопишуемого гнева, и только глубоко-глубоко под всевозможными слоями ощущений находится прежний Кира. Невозможно описать это состояние. И я, и логик, и тот Кира, который был в мире секунду назад, до видения, — одно целое. Просто сейчас посредством логика всем управляют гнев и боль, а Кира, то есть я, наблюдает.

Еще никто во всем Крестостреле не смог заморозить время в радиусе сотни метров. Впрочем, на таком пространстве его никто не смог заморозить даже на шестом уровне Пирамиды. Сотни глаз испуганно наблюдают за происходящим.

Боль от синих полос послужила проводником, и я смог почувствовать мысли Луны: она надеялась, что кто-то пришел и спасение рядом, но быстро поняла, что надежда ложная, — это просто логик остановил время.

Наблюдая за происходящим как бы со стороны, я осознавал, что мое тело медленно движется среди живых статуй, хотя всем остальным казалось, будто между ними мечется неуловимая тень — их зрение было неспособно уследить за скоростью моего перемещения. Таково колдовство, останавливающее время.

Логик, в которого перевоплотилось мое естество,

приблизился к столу, за которым сидел Калиб. Сейчас совершенно понятно, что он все-таки чувствовал, даже больше: он превратился в один большой воняющий мочой страх.

Нож медленно прочертил линию смерти на его глотке.

В последней волне ярости, самой сильной и безумной, Кира, то есть я, перестал осознавать, что происходит. Гнев захлестнул окончательно, отгораживая от внешнего мира. Но память вернется, потом. Так всегда бывает.

Орудя холодным черным клинком, за пару мгновений логик перерезал глоток больше, чем за все время пребывания на основном уровне Пирамиды. Первыми пали те, кто был ближе всего к Луне. Живы остались, наверное, только случайно зашедшие сюда посетители. И бармен. Этот низкорослый старик тоже был цел и невредим.

Сознание — штука сложная. Особенно когда тебя не на шутку вырубает по причинам, не поддающимся обычному разумному объяснению. После таких вот обстоятельств оно возвращается не постепенно, а наоборот — стремительно. Как если бутылку с газированной водой резко встряхнуть, не открывая крышку, и когда содержимое уже вспенилось до предела — крышку резко срывает, и все встает на свои места практически мгновенно. Пшик! И готово.

— Уже пришел в себя? — спрашивает Луна.

Оглядываюсь. Мы около какого-то дерева. Вокруг издающие необычный запах кусты. Вдалеке слышит-

ся шум транспорта.

Парк, догадываюсь я. Где-то в четвертой парсе, скорее всего, в районе улицы Небесных Тел, недалеко от Открытых Балконов.

— Вопрос в том, откуда я шел, — с трудом выговариваю я, пытаюсь оторвать тяжелую голову от земли.

— Ну, скажем, не шел, а я тебя тащила. После того, что произошло в трактире, не мудрено свалиться в обмороке.

Последнее, что я помнил, это ощущение холодной от ворожбы рукоятки кинжала и кровь, очень много крови... Да, такого со мной еще не случалось.

Интересно, а скольких...

— Да почти всех, — с лёгкостью читая мои мысли, без тени сожаления о пролитой чужой крови сообщает Луна.

Медленно поворачиваю голову к ней. Луна улыбается. Ну, точно, не простая она скиталица: хладнокровие в таком объеме образуется только после событий, которые и в страшном сне не приснятся. Например, после войны с интуитами.

— Я, вообще-то, не сторонник бессмысленных жертв, просто... — я замолкаю и после легкой запинки договариваю: — Просто так получилось.

— Просто этих тварей следовало наказать, — жестко произносит она уже без улыбки, а потом спрашивает: — А что с тобой случилось?

— Вспомнил одного интуита.

— И поэтому разозлился?! — Она явно насмеялась надо мной. Ну еще бы! Тот, кто не способен отгородиться от такой примитивной эмоции... в общем, жалкое зрелище.

Однако мне не стыдно. Стыд, кстати, тоже проявление слабости. Потому я просто отвечаю:

— Да. Надеюсь, он еще жив.

— Логик, который хочет, чтобы интуит был жив... Поразительно! — восторгается Луна.

— Мне бы хотелось убить его собственными руками. Поэтому — да. Я надеюсь, что он жив. Жаль, что война закончилась, — говорю я.

Луна тут же мрачнеет и заметно напрягается. То ли я ее испугал, то ли слова о войне.

— Не волнуйся, я больше не потеряю себя. Сильные приступы посещают меня редко, но зато после них легче живется. Правда, этот был просто запретельным. Кстати, за нами никто не следил, когда ты вводила меня из трактира?

— Никто, — тут же отвечает она. Но, подумав, добавляет: — Хотя, один странный тип все-таки был, правда, он не показался опасным. Просто стоял и смотрел. Или даже ждал. Я сначала испугалась: он так пялился на нас и был похож скорее на статую, чем на живое существо.

Луна произносит это «на нас» с некоторым сомнением.

— Как он выглядел? — спрашиваю я.

— Очень высокий. Более двух метров точно, настоящий верзила, — говорит она, глядя куда-то вверх. — В черно-красном балахоне. На рукавах символы: множество маленьких белых крестов, расположенных в ряд. Такие кресты обычно бывают на могилах. Не нарисованные, конечно, а настоящие.

— Падальщик.

Я совершенно точно уверен, что это был Падаль-

щик. Только вот слишком скоро он тут оказался. Не бывает такого, чтобы подчищались появлялись столь быстро. Просто не успевают. Вариант «проходил случайно мимо» отпадает. Они не проходят ни «случайно», ни «мимо», потому что находятся постоянно в Склепе. Только по вызову.

— А кто это? — искренне удивляется Луна.

— Ты что, о землю ударилась? Не знаешь, кто такой Падальщик? — начинаю я злиться, а потом вспоминаю, что она, может, и на Пирамиде-то до этого никогда не бывала. В пустоши полным-полно поселений логиков, как и интуитов, впрочем. А скитальцев всегда было много. — В общем, это те, кто следит за порядком.

— Ловят преступников?

— Подчищают за ними, — поправляю я наивную девчонку.

— Как это?! Тут что, можно совершить преступление и остаться безнаказанным? И даже более того, за тобой придут и уберут? — Луна выглядела совершенно сбитой с толку.

— Крестострел — это среда, где эволюция совершает самый жесткий отбор. Эволюции не должно мешать ничто и никто. Как думаешь, смогут логики эволюционировать, если повсюду будут валяться разлагающиеся трупы?

Луна помотала головой, не в силах поверить моим словам.

— Падальщики для того и нужны, чтобы каждый раз возвращать среду обитания в положенное ей состояние.

— Значит, тебе ничего не будет? За убийства?

— Будет. Будет, и немало. И, боюсь, в самое ближайшее время. Теперь начнут мстить и их знакомые, и родственники. Ничего не поделаешь, — равнодушно ответил я.

Мечь не самая страшная проблема, которая может у меня появиться. Применение ворожбы, остановившей время в трактире «На Дне», гораздо страшнее! Логик с такой силой просто не должен находиться в Крестостреле, ему положено быть на более высоком уровне. Шестом или седьмом. Если управление Склепа прознает о случившемся, на меня объявят охоту и главные власти, и все Падальщики, вместе взятые.

С другой стороны, никто на первом уровне не знает о моих способностях, никто даже не представляет, как выглядит ворожба, замедляющая время. Да я и сам, честно говоря, слабо в этом разбираюсь. А вот логик, явившийся, когда случилось это безумие, владеет этой техникой в совершенстве.

Выходит, что шанс урезонить ситуацию все-таки есть. Или нет? Кто поверит этим фанатикам с четвертой парсы, тем более таким, которые захаживают на улицу Кричащих Во Мраке?

— Что теперь делать? — спрашивает Луна, вырывая меня из невеселых раздумий.

Смотрю на девчонку. Получается, что я спас ее. Пусть не намеренно, но все же спас.

— Во-первых, ты теперь принадлежишь мне.

Луна, мгновенно напрягшись, слегка отстраняется.

— Не волнуйся, — успокаиваю я, — мне не требуется воспитывать свою нечувствительность тем спо-

собом, которым пользовался Калиб. Это варварский метод. Его, на самом деле, практикуют немногие логики. Калиб был в их числе и, более того, распространял его в массы, что, на мой взгляд, непростительно. А во-вторых, без меня ты просто умрешь. Это, я думаю, тебе объяснять не надо? Ведь, несмотря на то что ты оказалась крепкой и очень выносливой, все же ты как-то попала в плен к Калибу.

Луна, опустив глаза, кивает, а потом решается уточнить:

— А каким методом воспитывал свою нечувствительность ты?

Резонный вопрос. Девчонка желает знать, в какое пекло ее несет теперь.

— Боль не другим, но себе. Как моральная, так и физическая, — коротко отвечаю я, и Луна, кажется, немного расслабляется.

— Хорошо, — соглашается она, как будто у нее есть выбор.

— Но знай сразу. Я беру тебя себе только потому, что уверен — ты не сможешь меня убить. Иначе бросил бы здесь. И еще, позже я тебя продам. На верхних уровнях за тебя дадут неприлично много.

— С чего ты взял, будто я представляю какую-то ценность? — усмехнулась она.

— Это просто: обычный логик не в состоянии пролежать в Путнике пять дней. Город высосет все силы без остатка. Патруль по ошибке доставил тебя на Балконы Крестострела, решив, что ты просто красивый товар, который придется по вкусу многим. Будь в тебе сила, она проявилась бы максимум через неделю, и тогда бы меня не наняли убить Калиба,

потому что, не сомневаюсь, к тому времени он был бы уже мертв.

Хищный оскал на лице Луны подтвердил мою догадку. Однако при воспоминании о Путнике она невольно содрогнулась. А секундой позже, сообразив, что я оказался в трактире «На Дне» не случайно, а пришел именно за Калибом, удивленно спросила:

— Как тебя зовут?

— Кира, — озадаченно ответил я. А потом честно признался: — Я ожидал другого вопроса...

Следующая ее фраза меня ошеломила.

— Меня полностью устроит наше сотрудничество, Кира. Я не буду пытаться тебя убить, а ты поможешь мне отправиться наверх. И совершенно не важно, как ты это сделаешь: обменяешь меня на деньги или как-то еще, — выдала она.

— Ты и не сможешь меня убить, — с уверенностью заявил я, — в тебе нет силы. И на кой черт тебе надо наверх?

— Это уже мое личное дело. А вот насчет того, что нет силы, ты ошибаешься. Это Калиба окружала целая свита прислуги, а ты, по всей видимости, один. Отец хорошо научил меня сражаться в пустоши с помощью лишь физических навыков. Одному-то тебе я и вилкой смогу живот вспороть.

— А ты осмелела, — замечаю я. — С чего бы это?

Но Луна лишь улыбнулась, давая понять, что на некоторые вопросы она отвечать не собирается. Это не входило в наше с ней якобы «сотрудничество». Как бы странно это ни прозвучало, но девчонку, по всей видимости, устроило мое имя. Не думал, что оно какое-то особенное, по крайней мере, для других

оно таковым не является. Однако Луна — логик с причудами, пускай и без силы. Что ж, хочет считать это сотрудничеством, пусть считает, мне только на руку.

Я и сам не прочь отправиться наверх — там определено мое место. Надо всего лишь пройти несколько постов на пути к последнему девятому уровню. Но пока рано. Я еще не скопил достаточно частиц Механизмов Времени. Луна почему-то считает их деньгами, наверное, в пустоши они до сих пор в ходу. Правильно, а чем еще обмениваться логикам, у которых нет силы?

Наверху это сделать не выйдет, там попросту отсутствует торговля. Крестострел, первый уровень Пирамиды Золтуса, тем и хорош, что тут проживают три миллиона логиков, и все, ну просто все как один, стремятся к власти. А потому всегда есть заказы на убийство неугодных за хорошую плату.

И я лучший в этом деле.

Поэтому я никак не могу покинуть Крестострел. Нужно скопить частиц гораздо больше, чем у меня сейчас есть. Конкуренции для меня на этом уровне просто не существует. Да, приходится играть нечестно, а что поделаешь?

Я поднялся на ноги. Голова еще шла кругом, но это не помеха — было время, когда доставалось и сильнее.

— Вставай, — сказал я. — Нам нужно в Склеп.

— А что это? — спросила Луна, но вставать не спешила.

— Место, где работает мой наниматель. Он должен мне «денег», как ты изволила выразиться.

На самом же деле денег в Пирамиде нет. Плата за услуги осуществляется лишь частицами Механизмов Времени. А должен он много. Такую сумму я не прощу, — сказал я, а про себя подумал: только бы Марк не просек, что случилось в трактире. Надо успеть забрать у него оставшуюся сумму до того, как разнесутся слухи. Может, и затаиться придется на время.

— Будь по-твоему, — согласилась Луна, — только, видишь ли, я не могу идти: потеряла слишком много крови.

Только сейчас, более-менее утвердившись на ногах, я заметил, что девчонка держится за бок, обмотанный тряпкой, которая уже пропиталась кровью. С такой раной и ползти будет трудно. Понятно теперь, почему мы оказались в кустах: дальше она бы меня не дотащила.

— Я определенно обязан тебе жизнью, Луна, но быть должником не в моих правилах. Показывай свою рану, — скомандовал я.

Да, дела были плохи. Вероятнее всего, кожу глубоко рассекло в тот момент, когда Калиб отшвырнул ее. Черт возьми, даже если внутренние органы и не задеты, шрам будет сантиметров тридцать. И она еще оставалась после этого на ногах и притащила меня сюда! Уму непостижимо, насколько она живучая.

— Я рада, что ты знаешь мое имя, — сказала она.

— Мне рассказал твою историю бармен, но ты сейчас лучше помолчи. Нужно сосредоточиться. И еще, соберись, будет больно, — предупредил я, хотя знал наперед, что эта девчонка даже не пикнет.

Процесс регенерации тканей тела — не самая приятная процедура. Я бы сказал, болезненная до ужаса. Зато быстрая, к тому же исключает заражение крови. Ну, относительно быстрая... Для того чтобы зашить такую дыру, потребуется много силы, концентрация и пятнадцать минут времени, в течение которых Луна будет чувствовать, будто ее зашивают обычной иглой и без обезболивающего.

Но, как я и ожидал, ни единого стога не вырвалось из ее крепко сжатых губ, даже когда я вычищал попавшую в рану грязь.

— Вот и все. Можешь подняться.

— Спасибо, — поблагодарила она, — знаешь, если бы ты был интуитом, значение твоего имени расшифровывалось бы как Убийца, Несущий Наказание. А ты, наоборот, лечишь, даруя спасение.

— Не говори так больше. Я ненавижу этих созданий! — огрызнулся я.

— Причиной тому тот самый интуит, которого ты упоминал?

— Именно. Но это не единственное обстоятельство. Любой логик — полная противоположность интуита. Можем существовать либо мы, либо они. Печально, но такова действительность, — сказал я.

— Наверное, — небрежно кивнула Луна, — но откуда такая ненависть к тому интуиту?

— Он убил мою мать, — коротко отрезал я.

Девушка содрогнулась, ей было это неприятно.

— Я вижу его практически каждую треклятую ночь. Ледяные глаза и клинок, от которого исходит красный пар, — словно в трансе, вспоминая сегодняшнее видение, проговорил я.

Луна внезапно резко побледнела, даже руки затряслись.

— Ты его знаешь, — неожиданно для себя догадался я, — видела его на войне?

— Да, я была на войне... — ответила Луна.

Догадка подтвердилась. Эта девчонка в столь юном возрасте прошла просто невероятные испытания. Все знают, **как** воют две фракции этой планеты.

— Я скажу тебе, кто он. Но только после того, как ты мне поможешь.

Скиталица не врала. Она **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** знала, кто был этот интуит, это видно невооружённым глазом! Такие вещи сразу определяются по мимике, жестам, поведению. Просто невероятно, как ей, бесильной, удалось уцелеть после такой встречи.

— Ты приобретаешь ценность прямо на глазах! За такую информацию я, пожалуй, мог бы не продавать тебя на верхние уровни, а помочь овладеть силой. Задатки у тебя потрясающие. Как только сможешь освоить азы, тебя уже больше никто не заберет в рабство, — предложил я.

— Мне нужно наверх, Кира, — упрямо произнесла она. — Не забывай, мы заключили сделку.

— Что ж, теперь она видится мне совершенно в ином свете.

Когда планируешь убийство, стоит запастись множеством путей отхода. У меня изначально было три: катакомбы, Открытые Балконы с воздушным парашютом и транспорт. В сложившейся ситуации я выбрал последний — самый быстрый способ убраться из этой дыры.

Мотор логоцикла выдавал максимальные оборо-

ты, унося нас из четвертой парсы. Призрачным белым светом освещали дорогу впереди фонари и тут же гасли, как только мы проезжали мимо. Воздух был теплым и свежим.

Ночью на широких трассах Крестострела не встретишь ни одной живой души. Потому что за все приходится платить, например, за свет этих самых фонарей. Когда ты один на дороге, тариф не просто кусается — жрет запас частиц Механизмов Времени, как бешеная собака. Не говоря уже о прожорливом логоцикле.

Ничего. Проехать эту парсу, освещая себе дорогу, жизненно необходимо. Дальше можно будет не питать фонари, а пользоваться только светом фар.

Маршрут до Склепа я выбрал максимально короткий и безопасный, чтобы лишний раз не пришлось петлять. А скорость и прямая трасса помогут оторваться от гипотетических преследователей.

Дорога проходила вдоль ребра Пирамиды и тянулась до самого конца восьмой парсы. Там мы свернули налево и вдоль канала, который брал свое начало у набережной, доехали до Южного моста, ведущего в Склеп.

— Ух ты! — восхищенно произнесла Луна, которая всю дорогу испуганно жалась к моей спине.

— Понравилось быстро ехать? — улыбаясь, спросил я. Чего греха таить, мне и самому нравилась быстрая езда, порой только так и спасался от дурных мыслей.

— Ну и это тоже! А главное, я и представить себе не могла, что в Пирамиде так красиво! Четвертая парса — настоящий гадюшник по сравнению с тем,

что мы видели по дороге.

— Что есть, то есть, — согласился я, думая о четвертой парсе. — Это место, где обитают простые рабочие. Работа и дом — все, чем они занимаются. Наверное, поэтому там абсолютно дикий народ.

— В пустоши о Пирамиде говорят как о месте, настолько унылом и скучном, что нет никакого желания туда идти.

— Однако ты пришла, — напоминаю я, — и мне до сих пор непонятно зачем.

Луна вновь улыбается. Понимаю, что откровенности от нее не дожждаться. Где бы ни жил логик, он не упустит возможности получить желаемое, на то он и логик. Держать в тайне свое положение для нее естественно.

— Поначалу я тоже так решила, — игнорируя мои слова, продолжала Луна. — А тут увидела эти дома, их необычные формы, лиловый свет, причудливые крыши — и ощутила какое-то странное чувство, которое постоянно менялось во время поездки. Я как будто пробовала на вкус ауру каждой улицы... В общем, было приятно.

Ощутила ауру улицы, да еще на такой скорости... Поразительно! Я начал чувствовать этот особый запах-ауру только после двух лет, проведенных на Крестостреле. А она практически сразу! Ощущать настроение улиц — особая наука, в свое время она спасла мне шкуру.

Бывало, гуляешь по улице, а запах, который и не запах вовсе, а что-то иное, просто описать его никакими словами не получается, так и лезет в ноздри. Если мокро и склизко внутри делается, надо быть

настороже — рядом из какого-то мертвеца выкачивают силу. Если ноздри щиплет, словно перцем намазали, хотя на самом деле этот пресловутый перец ты и в руках-то никогда не держал, — значит, в этом районе много ссорятся. А если этот запах-аура похож на свежий ветер и ты при этом невольно думаешь, как было бы здорово сейчас прокатиться на логоцикле, значит, эта улица легкая и приятная, опасаться никого не нужно.

— А это что? — с любопытством спросила она, указывая на готическую громадину, стоящую посреди водоема.

Я вмиг вынырнул из своих грез, вспомнив о деле.

— Склеп, — ответил я, — главное управление первым уровнем Пирамиды Золтуса, Крестострелом. Он стоит посреди огромного водоема и очищает воду, которая потом течет в каналы и совсем маленькие реки.

— Получается, можно пить воду из любой лужи и она будет всегда чистой?

— Сомневаюсь в наличии хотя бы одной лужи на всей территории. Но — да. Вода всегда чистая. Все на благо эволюции. Ничто не должно мешать логике обретать могущество.

Предвкушая один из возможных ее вопросов, добавил:

— Тебе, наверное, интересно, почему солнечный свет легко проникает сквозь толстый слой стен Пирамиды?

— Осознание движения и процессов, — ответила Луна, — свет проникает, потому что вы ему это позволяете. Так же обстоит дело и с ветром. Тут ведь

неоткуда взяться воздушным потокам.

— Мы, — поправил я ее. — Хм, не такая уж ты и необразованная.

Луна смутилась.

— Тебе разве не надо торопиться? — сказала она. — Нас могли преследовать, и еще неизвестно, что будет с тобой после твоей выходки в трактире.

— Ты права, надо, — кивнул я. — Я и тороплюсь: ускорить воровку «иллюзорного щита» не так просто. Его суть — отвлекать внимание окружающих, а для этого мне потребовалось самому прийти в определенное состояние. Разговор на отвлеченную тему очень помог. Спасибо тебе.

Луна смерила меня таким презрительным взглядом, что я почувствовал себя негодяем, обманувшим маленького ребенка.

— Зато теперь ты в безопасности. Оставайся на этом мосту и постарайся не делать более пяти шагов в любую сторону от логоцикла. Понимаю, после заточения тебе любопытно взглянуть на что-то новенькое, но пока потерпи. Я скоро вернусь.

Скиталица кивнула. Прекрасно понимала, что ей лучше не рыпаться. А когда я отошел на несколько метров и обернулся, чтобы проверить, работает щит или нет, сквозь фиолетовое мерцание заметил, как Луна с тоской посмотрела на свое левое запястье, словно там было нечто важное, а затем взгляд ее устремился вверх да так и застыл, оставаясь бесконечно задумчивым.

Марк работал всегда. Поначалу, когда я этого еще не знал, приходилось связываться с секретарем и выяснять, на месте ли он, но за пять лет знакомства

мысль о том, что кабинет загадочного работодателя может быть пуст, улетучилась.

В этот раз я был сильно удивлен. Каким только манипуляциям с моей стороны ни подвергалась ручка, дверь так и не пожелала открыться. А потому пришлось отправиться в главную приемную и выяснить местонахождение Марка.

Секретарь — девица лет тридцати в строгом серо-черном костюме, с пышной копной каштановых волос и узкими пытливыми глазами, долго разглядывала меня. То ли она никак не могла побороть сонливость, то ли недавно заступила на смену и еще туго соображала, но ее ужасающая медлительность и нерасторопность меня жутко раздражали. Поначалу она совершенно не понимала, о ком идет речь. Только после некоторых манипуляций с бумагами и записными книжками взгляд ее наконец прояснился, и, встряхнувшись, она все-таки сообщила, что господин Марк сейчас находится в архивах.

Кивнув, я направился в архивы — место, где хранятся все важные документы, касающиеся непосредственно вопросов развития или, наоборот, нарушения эволюционных процессов. Располагались они на втором этаже Склепа, все в той же южной части. Вообще, к Марку лучше ходить именно по Южному мосту, потому что Склеп разбит на четыре части, и попасть из одной в другую, не заблудившись, весьма трудно.

С виду главное управление Крестострела похоже на единое здание, но, как только попадаешь внутрь, становится понятно, что это небольшой полноценный городок с готической остроконечной архитек-

турой, множеством переброшенных с одной крыши на другую мостиков, дорогих трактиров и невероятно модных магазинов. Тут есть и отдельное жилье для особо богатых, и гавань для отдыха на лодке. Район, в котором располагается Склеп, называется Темные Воды, и это единственная зона, которая не делится на улицы и является самой большой по площади. Управление Крестострела со всех сторон окружено водой, которую оно же и очищает, а протяженность одного моста, например, того же Южного, составляет тридцать с небольшим километров. Все эти факторы делают Склеп самым привилегированным местом из всех имеющихся. Лучше можно найти только на верхних уровнях.

Архивы кабинета Марка располагались весьма близко — думаю, не просто так. Должность моего работодателя до сих пор была для меня тайной за семью печатями, которую я, как ни пытался, так и не сумел раскрыть. Впрочем, узнать, кто я такой, он тоже не мог, разве только если отправит запросы на все верхние уровни, а там, я это точно знаю, не любят, когда их беспокоит Крестострел, пусть даже сам начальник Склепа.

Когда я вошел в архив, Марк сидел прямо на столе, заваленном бумагами и коробками. Сосредоточенно изучал какой-то пожелтевший от времени листок, держа его близко перед глазами. Прямые серебряные волосы едва не касались поверхности бумаги. Увидев меня, он аккуратно, словно реликвию, положил документ в папку.

- Что-то ценное? — поинтересовался я с порога.
- Да, Кира. Документ, подписанный самим Вер-

ховным Румаи, не может не быть ценным, — он был совершенно серьезен.

Я немного помедлил, оценивая его поведение: гадал, знает он уже или нет?

— Работа выполнена, Марк.

— Хорошо. Хочешь получить свою оплату? — спросил он.

— Было бы замечательно.

Марк задумался.

— Ты ведь совсем не жадный, Кира. Разве нельзя было подождать до утра?

— Ты же знаешь, что я не люблю затягивать.

Он кивнул и, спрыгнув со стола, подошел ко мне, протягивая руку.

— У меня нет сферы, устроит, если я рассчитаюсь по старинке?

— Вполне, — согласился я. На самом деле я и сам хотел получить частицы напрямую. Собственный сосуд был наполовину исчерпан после того, как я побывал в трактире «На Дне», подлатал Луну и наворожил щит.

Мы крепко пожали друг другу руки.

Процесс обмена силой — когда ее планируется передать много — возможен только через телесный контакт. Это совершенно не похоже на подпитку логоцикла, подогрев пищи или оплату общественного транспорта. Когда сила передается от одного к другому, ты чувствуешь, как огненный поток, невидимый для глаз, бушует в области твоей грудной клетки, заполняя сосуд.

Настоящий экстаз.

— И правда, — неожиданно произнес Марк, когда

обмен уже был закончен.

Я вопросительно посмотрел на него.

— Знаешь, Кира, когда к тебе приходит много логиков и ты постоянно платишь за услуги, то начинаешь чувствовать особенности каждого из них. В те короткие мгновения, пока идет передача частиц Механизмов Времени, опытный логик может ощутить, как бы это сказать, — Марк потер пальцами в воздухе, словно пытаясь нащупать то, о чем говорил, — портрет внутреннего сосуда. Он воспринимается как набор ощущений, которые, проанализировав потом, можно облечь в слова.

— И ты хочешь сказать мне эти слова? — с улыбкой спросил я.

— Пожалуй, да. Я тебе скажу их, — ответил он, а потом умолк на добрых полминуты, подбирая слова поточнее.

Нельзя показывать спешку и суету. Такие, как я, делают все размеренно, четко, по инструкции, шаг за шагом. Подобное поведение не привлекает лишнего внимания. Оплата уже получена, полдела сделано, остается только убраться отсюда, залечь на дно и, не торопясь, выяснить, кто такая эта Луна. А потом, раз она того хочет, отправить ее наверх в обмен на оплату и информацию об убийце моей матери. Я терпеливо дожидаюсь, когда Марк продолжит.

— Ты, Кира, — наконец произнес он, — убийца, который страдает от пожирающей его боли. На самом деле у любого логика есть чувства, и сила его, как это ни странно, именно в них.

Потрясенный услышанным, я уставился на Марка.

— Не смотри на меня так. Все верно. Знаешь ли ты, что объем внутреннего сосуда зависит от силы чувства, к которому ты делаешься нечувствительным?

— Воспитывать нечувствительность можно разными способами.

— Можно, — подтвердил он. — Но не любые тренировки дают такой результат, который есть у тебя. Я бы даже сказал НИКАКИЕ.

— Ты говоришь так, будто объем моего сосуда бесконечен, — ухмыляюсь я.

— Мы оба знаем, что это не так, — тут же возразил Марк. — Хотя бы потому, что бесконечных объемов не бывает. Однако есть очень необычные сосуды, близкие к совершенству, и один такой мне довелось однажды почувствовать, очень давно. А спустя много лет как-то раз я проснулся посреди ночи от внезапного озарения, и в моей голове сложился портрет того сосуда. Я испытал неподдельный трепет перед логиком, который прошел настолько немислимое испытание, что в итоге стал Верховным.

— Ты говоришь о Румаи, нынешнем Верховном? — упавшим голосом спросил я, чувствуя, как начинаю покрываться холодным потом.

Было ошибкой брать плату таким образом!

Непростительной ошибкой.

— Не думаю, что ты будешь удивлен, когда узнаешь, что портрет твоего сосуда несколько напоминает его.

— Ты ошибаешься, Марк, — только и смог выговорить я.

— Я тоже так думал. Но пару часов назад узнал,

что какой-то логик вскрыл пятьдесят глоток в трактире «На Дне» да еще и время в нем остановил. После этого я вспомнил, как восемь лет назад в Склеп пришло уведомление об одном мальчишке, подписанное самим Верховным. Он, знаешь ли, крайне редко уделяет внимание Крестострелу. Почти никогда.

Это было поражение. Не сомневаюсь, Марк с самого начала что-то подозревал, просто не сообразил, что надо копнуть глубже, чтобы выяснить, кто же такой его лучший убийца, берущий все заказы без исключения, порой даже самые безрассудные. До меня были многие, и все уходили меньше чем за год.

— Кира, кровь Румаи, я обязан объявить тебя вне закона, — произнес Марк.

— Из-за чего? — воскликнул я. — Эволюция сделала меня таким, я жил на Крестостреле с шестнадцати лет! Эти логики — слабаки. Считаю, я оказал услугу, освободив место тем, кто может стать сильнее.

Марк устало вздохнул.

— Я мог бы закрыть глаза на этот инцидент. Хотя твои возражения ничего не стоят. Они лишь слова привыкшего к удобству логика. Но ты и сам понимаешь, что твоя сила просто не должна находиться на Крестостреле. Она во вред здесь, на первом уровне.

— Я не стану ее использовать, — пообещал я.

Он отвел глаза. Взгляд его упал на стол, где лежали бумаги.

— Понимаешь, Кира, это еще не все, — сказал он и, взяв один из листков, протянул мне.

Как громом пораженный я смотрел на собствен-

ное досье и прилагающийся к нему приказ на ликвидацию, подписанный самим Верховным.

— Почему ты так держишься за Крестострел? — спросил Марк. — Стать самым богатым, влиятельным логиком этого уровня — не твоя цель. Зачем одержимо копишь частицы Механизмов Времени?

Листок с приказом превратился в моей руке в неопрятный комок. А наша встреча в допрос.

— Хочу на самый верх, — холодно отчеканил я.

— И что потом? — усмехнулся он. — Только не говори, что подаришь их Румаи.

Хищную улыбку, помимо воли появившуюся на моем лице, нельзя было сдержать. Марк вмиг понял мой замысел. А мне больше не имело смысла скрываться.

— Так я и думал, — печально сказал он. — Ошибка, которую простить не сможет никто. Испытай ты даже еще десять Катарсисов, Верховный тебя все равно казнит. Впрочем, он предусмотрел такой исход и вместе с приказом прислал его, — Марк кивком указал на дверь.

В проеме стоял и, видимо, уже давно слушал наш разговор Падальщик. То, что я не ощутил его присутствия, лишь подтверждало невероятную силу этого существа. Он и логиком-то уже перестал быть, настолько были истреблены в нем чувства. Живой механизм. Интересно, это его видела Луна у трактира? И почему он тогда не убил меня?

— Долго ты ждал, — заметил я, обращаясь к Падальщику. — Непонятно только зачем?

— Глава Крестострела должен был лично убедить-ся, что ты кровь Румаи. Таков приказ Верховного.

Ушам своим не верю! Так Марк — глава Склепа и всего первого уровня Пирамиды Золтуса! Даже предположить такое было немислимо.

Зато теперь понятно, почему он согласился отдать мне оставшуюся плату, — хотел задержать, пока не явится палач.

— Тут мы друг друга стоим, — усмехнулся глава Склепа Марк. — Мне тоже было сложно поверить, что все это время моих конкурентов убивал сам сын Верховного.

Рассмеяться сейчас было самое лучшее, что я и сделал. Значит, все это время Марк с моей помощью обеспечивал себе свой пост! Хитрый лис.

— Закончил? — вежливо спросил он. — Подавлять радость несложно, имей в виду, и сил это дает немало. Впрочем, кому как не тебе предстоит в этом убедиться с минуты на минуту.

Я посмотрел в его серые, почти выбеленные глаза. Ничего хорошего они не сулили.

Мы втроем стояли в архиве: Марк впереди, опираясь на стол метрах в трёх от меня, позади единственный выход преградил Падальщик. Последний замер как двухметровая статуя. Впрочем, мы все сейчас напряженно молчали и не шевелились — ждали, когда кто-то совершит одно-единственное движение, чтобы успеть отреагировать на него.

Их замысел был понятен: один нейтрализует мою ворожбу, другой бьет наповал. В этом случае оба остаются живы. Если же мы все одновременно начнем ворожить боевые заклинания, то я вполне успею кого-нибудь из них захватить с собой на тот свет. А целиться, конечно же, буду в главу Склепа. Марк,

может, и боец, даже очень умелый, однако это именно я практиковал последние шесть лет, а он лишь отдавал приказы, не поднимая свой зад с кресла. Потому первый ход исключительно за мной, и пока я его не сделаю, мы все останемся неподвижны.

Время не шло, оно, казалось, застыло на месте. Положение дерьмовое, я-то в любом случае отправлюсь к черту. Вопрос в том, один или нет?

Ситуацию привел в действие гулкий удар, раздавшийся за спиной Падальщика. Краем глаза я увидел, как тот согнулся в три погибели, а за ним, держа в руках железную дубинку, — и где она только ее взяла? — стояла Луна.

Рефлексы сработали мгновенно. Я наворожил щит. Впрочем, Марк не стал атаковать, он тоже в этот момент создавал вокруг себя защитную сферу. Боялся гадёныш.

Развернувшись на пятках, кидаюсь к двери, попутно прикладывая тяжелый ботинок к челюсти Падальщика таким образом, чтобы он еще и в дверной косяк впечатался головой.

Луна отбрасывает дубинку. Мы устремляемся к выходу. Она, кстати, бежит впереди и прекрасно ориентируется: уверенно поворачивает то влево, то вправо.

Поравнявшись, встречаюсь с ней взглядом — мол, как?

— Потом объясню, — скороговоркой отвечает она.

Выбежав из главного входа, накладываю ворожбу на огромную стеклянную дверь. Заклинание «нелогичного замка» должно заставить Падальщика попотеть, когда он очухается. А произойдет это не просто

быстро, а почти мгновенно. Да что там, уверен, он уже мчится за нами вслед.

На Южном мосту, метрах в десяти от логоцикла, нас накрывает докатившаяся взрывная волна: дверь рассыпается вдребезги, а оплавленные куски разлетаются в стороны.

Машина не подвела: мотор заводится сходу, и я тут же выжимаю из него все, что только могу, вернее, он может. В это мгновение из пылающего проема, где секундой раньше была дверь, вылетает огненный вихрь. Черт меня дери, могу поклясться, что ноги Падальщика объаты пламенем, причем это явно результат ворожбы, а не случайного возгорания. Он несется так быстро, что находится уже в метре от нас. И это на такой-то скорости!

Слава небесам, на поддержание темпа уходит вся его сила. Я быстро создаю ржавую сферу времени и отпускаю ее за нашей спиной. Падальщик реагирует мгновенно и ныряет с моста.

Мотор логоцикла работает бесшумно. И теперь я, не веря своим ушам, слышу отчетливые хлесткие удары по воде далеко внизу под мостом.

— Какой же, вурдалак его дери, силой надо обладать, чтобы бежать по воде? — кричу я в изумлении.

Луна удивлена ничуть не меньше меня. Наверное, тоже видит такое впервые в жизни.

— Почему он не летит? — спрашивает она.

И тут до меня доходит:

— Потому что в воздухе не от чего оттолкнуться, чтобы ускориться. А вода — идеальная среда для такого бега. Малейшее усилие воли — и она становится твердой. А дальше, как и по асфальту. Опреде-

ленно, это не простой Падальщик. Возможно, с восьмого, а то и с девятого уровня.

Спустя пару минут преследования это существо все-таки обгоняет нас и забирается обратно на мост, однако не преграждает нам путь, а отходит в сторону, на тротуар. Силы, видать, на пределе, догадываюсь я, но на всякий случай кидаю в него еще одну ржавую сферу.

В момент, когда он пытается уйти от удара, мы проносимся мимо и съезжаем с моста, поворачивая направо, в сторону второй парсы.

— Куда мы едем? — спрашивает Луна.

— На улицу Тлеющих Фонарей. Там мой дом, — объясняю я.

— Но разве они не придут туда?

— Конечно придут! И до этого мне надо забрать Механизмы Времени.

Луна сжимает меня еще крепче, мне кажется, от злости.

— Неужели ты настолько жадный! — вырывается крик из ее груди.

— Нет, — отвечаю я спокойно, — эти частицы Механизмов Времени — все, ради чего я жил. Они — лучшая, чистейшая сила, которую мне удалось раздобыть за восемь лет жизни на Крестостреле.

— Но зачем она тебе? — не унимается Луна.

— Это единственный способ убить моего отца.

Луна умолкает на какое-то время, а потом спрашивает снова, уже более спокойно:

— Разве он настолько силен, что ты так долго копил силы?

Наверное, она не слышала наш разговор

с Марком, а потому не подозревает, кто мой отец.

— Поверь, логик, который стал Верховным, не просто силен. Он ужасающе опасен, — говорю я.

Скиталица вздрагивает, когда наконец понимает, что речь идет о самом Румаи, логике, лично убившем Вождя интуитов Лео.

Спустя час мы оказываемся на улице Тлеющих Фонарей. Мой дом не просто так выбран в самом углу Пирамиды — это идеальное место для побега на случай непредвиденной ситуации, которая уже давно как наступила.

— А у тебя неплохая квартира, — осматривается Луна, когда мы оказываемся внутри.

Не только квартира, мысленно соглашаюсь я, но и улица и парса. Однажды мне очень понравился здешний запах: спокойный, умиротворенный, тихий и, главное, безопасный. Я сразу решил, что улица Тлеющих Фонарей — то, что требуется, и через полгода купил здесь квартиру. Тогда, помню, подвернулся очень выгодный заказ, и деньги нашлись.

Пока Луна разглядывала внутреннее убранство, щепки от половой доски летели во все стороны. Церемонии сейчас были не ко времени, а потому топор сильно помог ускорить процесс вскрытия тайника, в котором хранилась сфера со всеми частицами Механизмов Времени, собранными за долгое время.

— Вот она, — торжествующе произнес я и, вдруг почувствовав что-то неладное, скомандовал: — Выгляни в окно на кухне.

— Он здесь. Направился в дом, — шепотом сообщила Луна, с тревогой глядя на меня.

Я грязно выругался.

— Как будем уходить?

— Быстро. И по возможности тихо, — ответил я. — Эти дома соединены между собой переходами, а потому у нас множество путей к отходу. Через три пролета вверх будет один из них. Пойдем туда, а дальше — на Открытые Балконы Крестострела.

Мы убрались вовремя. На третьем пролете послышался звук, похожий на выбивание двери. Переход вел в соседний дом и далее вниз по лестницам и на улицу. А там рукой подать до Балконов.

Логоцикл был выведен из строя. То ли механическая поломка, то ли Падальщик наворожил. В общем, воспользоваться им не вышло, и мы что было сил помчались к арке в стене Пирамиды, ведущей наружу.

Открытые Балконы Золтуса есть на каждом из уровней Пирамиды. Это воздушные парапеты, с которых можно увидеть, что творится внизу на земле. На них зачастую собираются торговцы в ожидании патрульных логиков, чтобы выкупить у тех редкие находки. Некоторые специально нанимают караваны, далеко отправляя их на поиски настоящих ценностей. И, как правило, ценности всегда находятся. Иногда их доставляют даже из самой Атмосферики — города, где живут интуиты. Торговец, которому повезло завладеть подобной вещицей, вмиг становится сказочно богатым.

А сейчас эти Балконы идеально подойдут для того, чтобы скрыться от Падальщика. Конечно, можно потратить на него драгоценный запас частиц, но лучше это сделать в случае крайней нужды.

Как я ни старался скрыться, Падальщик просчи-

тал и это. Накрытые иллюзорным щитом, мы притаились на широком парапете, обдуваемом со всех сторон пронизывающим до костей ветром. Балкон Крестострела был призрачно пуст.

Прислужник Румаи даже гадать не стал. Просто шарахнул заклинанием так, что сдуло не только иллюзорный щит, но и нас вместе с ним. Пришлось на ходу создавать несколько слоев защитного барьера, чтобы хотя бы остаться в живых. На это ушли все силы.

Завеса пала. Падальщик, поняв, что деваться нам больше некуда, медленно приближался.

— Незачем больше скрываться, Кира, кровь Румаи, — совершенно спокойно произнес он.

Хорошо бы его заболтать, потянуть время. Сфера в моем кармане, и если удастся хоть немного впитать силы, хоть одну тысячную... Этого должно хватить, чтобы свалить Падальщика наповал.

— Зачем тебе его убивать? — вдруг встряла Луна. — Просто отпусти нас, и мы обещаем больше не появляться на Крестостреле и вообще в этой треклятой Пирамиде.

— Я чувствую ложь, скиталица. Ты даже не потрудилась надлежащим образом ее скрыть, как, впрочем, и свою истинную сущность.

Луна потупилась. О чем он, задери его вурдалаки, говорит?

— Может, просветишь напоследок, почему Румаи приспичило убивать меня только сейчас? Неужели Великий Верховный, самый могущественный логик Пирамиды, не мог предвидеть этого раньше?

— Глупец. Отец следил за тобой, и доброта его

была, на мой взгляд, даже чрезмерной. Тебе предоставлялось множество шансов, и все канули в лету... Ты их упустил, — Падальщик неторопливо выносил свой приговор.

Глаза затагнуло пеленой. Если присмотреться, то за ней можно было увидеть еле заметный огонек бушующей внутри меня силы. Частицы Механизмов Времени внутри моего сосуда приходили в движение. Еще пара секунд — и поток вырвется наружу. Останется только направить его в нужное русло.

Лобовой атакой убить Падальщика не выйдет. Это ясно как день — он невероятно силен. А если ударить со спины?

— Как тебя зовут? — едва сдерживая себя от распирающей мощи, спрашиваю я.

— На что тебе мое имя, отступник?

— Я должен знать, как зовут того, кто вскоре умрет от моей руки, — ответил я.

— Когда-то я мог смеяться, — едва улыбнувшись, проговорил он, а потом добавил: — Времена слабости прошли. С тех пор моему взору доступно многое. В том числе и то, что ты замыслил. Огонь силы в глазах не разглядит только низкосортный логик, а ты слишком долго жил среди таких. Та сфера, что лежит в твоём кармане, имеет много силы. Но контролировать ее может только могущественное создание. Я дам тебе один-единственный шанс — это будет для меня хорошей тренировкой. И убью в конце, глядя в глаза того, кто прожил последние восемь лет в бессмысленной надежде.

Неужели он настолько в себе уверен?! И не боится даже оружия, которое я так долго готовил для

Румаи?! Нет! Этого не может быть. Он всего лишь прислужник и ответит за свою самонадеянность.

Предел достигнут. Огонь из глаз разве что не брызжет, до такой степени он стал осязаемым.

Разумеется, я ни разу не пробовал питаться от сферы: собственных сил всегда хватало. Поэтому что-либо контролировать сейчас мне сложно. В одном он прав: это будет хорошая тренировка.

Прислужник Верховного занял боевую стойку, готовый отразить любую атаку. Луна отступила за мою спину. Сам же я, стоя на коленях и неотступно следя взглядом за каждым движением Падальщика, содрогался от той силы, что переполняла меня и требовала выхода наружу.

Влага в воздухе вокруг него постепенно обратилась в густой туман. Но этого было недостаточно, чтобы лишить его возможности видеть, а потому я призвал все ветры, бродившие поблизости, окружить Падальщика и создать вокруг него вихревую сферу.

Он, видимо, ждал чего-то большего, потому что стоял не двигаясь. И лишь спустя пару мгновений произнес:

— И это все, на что способен сын Верховного, главный убийца Крестострела?

Я не спешил отвечать. Заклинание искаженного пространства требует не только безумной силы и предельной концентрации, но и пытливого ума, способного просчитать направление лучей света. Хорошо, что луна сегодня светила ярко. Иначе мне неоткуда было бы взять свет.

Как я и думал, Падальщик легко справился с моей ворожкой. Однако, когда туман рассеялся и он, окру-

женный огненным щитом, снова мог видеть, на парاپете уже не было ни меня, ни Луны. Точнее, мы, конечно, были, но не в том количестве, в каком существовали раньше.

С тем запасом силы, который у меня сейчас имелся, мне удалось исказить свет в пятидесяти восьми разных точках в радиусе ста метров вокруг Падальщика. Там, где свет был искажен, стояли наши двойники, в точности повторявшие каждое наше движение. Мы с Луной, понятное дело, находились уже не на прежних местах.

Сил во мне осталось на последнее сокрушительное заклинание, которое, уж я постараюсь, станет для него завершающим.

— Мое имя Илон, — вдруг произнес Падальщик. — Ты действительно владеешь определенным мастерством, и будь ты один, мог бы продержаться против меня дольше. Однако девчонка отняла много твоего внимания.

Для Падальщика сражение было сродни очень древней и почти забытой игре в шахматы. У него разыгрался интерес, он даже приблизился и провел рукой по одной из созданных мною иллюзий. Рука провалилась внутрь и вынырнула с другой стороны.

— Ну конечно, это свет, — сообразил он. — Создать настоящие копии собственного тела невероятно сложно. Подчинить себе процесс деления клеток и ускорить его до такого предела, чтобы от тебя самого отделилась живая плоть двойника, — могущество, которым владел лишь сам Золтус, строитель этой Пирамиды. Ты, однако, смог меня удивить, мальчишка. Но на этом, пожалуй, все.

Пока он, понадеявшись на свой огненный щит, рассуждал, я ворожил пики времени, которые заранее спрятал в иллюзии, чтобы он не мог их разглядеть.

«Пики времени» — это червоточины, маленькие черные дыры, имеющие невероятное притяжение. По завершении заклинания они должны затянуться сами собой и поглотить все, к чему прикоснутся. Плоть Падальщика, которого, как оказалось, зовут Илон, вместе с его костями разорвет на множество кусков, и они бесследно исчезнут в этих дырах.

Заклинание само по себе невероятно опасное. Зачастую тот, кто ворожит, сам лишается некоторых частей тела, потому что почти невозможно управлять гравитацией на таком уровне, чтобы червоточина, став пикой, выстрелила в определенном направлении. Но с той силой, которая была сейчас во мне, это вполне могло получиться. Пускай на пределе своих возможностей, но я все-таки сумел рассчитать траекторию выстрела.

Падальщик пристально смотрел на небесное светило — и где-то невероятно далеко начали сгущаться тучи. В очередной раз я поразился этому созданию. Сколько же нужно было выдержать медитаций и до какой степени воспитать в себе нечувствительность, чтобы сотворить такое!

Огромное даже на таком расстоянии темное грозовое облако закрыло луну, и почти вся Пирамида погрузилась в темноту. Отдельные лучи света все же пробивались сквозь тучу, но этого явно не хватало для того, чтобы иллюзии могли оставаться полностью непрозрачными.

И как только Илон разглядел небольшую черную точку, прятавшуюся в голове одной из наших копий, он полностью воспламенился, сбросив с себя защитный огненный барьер. То ли решил, что тот теперь стал совершенно бесполезен, то ли направил все свои силы в другое русло.

Мне уже довелось видеть его огненные ноги, когда он с бешеной скоростью бежал по мосту, а затем и по воде. Теперь же Падальщик превратился в огонь весь полностью.

То, что произошло потом, когда заклинание наконец пришло в боевую готовность, не поддаётся никакому описанию: прислужник Румаи стал стремителем, как молния, причем время он явно не останавливал — это была чистая скорость.

Червоточины выстреливали практически одновременно, но он с невероятным мастерством акробата на максимальной скорости увертывался от них.

Спустя миг пространство в радиусе ста кубических метров все заполнилось огненными бликами, как будто кто-то быстро размахивал тлеющей палкой. Это Илон рассекал своим телом воздух, словно раскаленная секира.

Я не мог поверить своим глазам. Возможность такой ворожбы до этого момента представлялась мне нереальной. Когда сработали все червоточины, Падальщик оказался прямо у нас за спиной.

— Только из двух копий червоточина не выстрелила, — звуки, вырывающиеся из огненного рта Падальщика, мало походили на речь живого существа. Скорее это было какое-то дребезжание, миллион раз наложенное друг на друга.

Затем последовал один-единственный удар, который, к счастью, бил не по мне и Луне, а по вдруг появившейся перед нами белой сети. Поэтому нас не убило, а всего лишь отбросило назад, к ограждению парашюта, но с такой силой, что ребро у меня треснуло, а голова, казалось, готова была рассыпаться на множество осколков. Вслед за тем последовала ослепительная вспышка, и через мгновение я уже стремительно летел вниз за каменным парашютом.

Луна была рядом, и глаза ее светились пронзительным и холодным, как у далекой звезды, синим светом.

А еще Луна улыбалась.

«Где-то я уже видел точно такие же глаза. И, сдастся мне, скоро увижу вновь», — успел подумать я перед тем, как сознание окончательно покинуло меня.

глава вторая

ПУТНИК

В это время года уже всегда холодно. Ледяной ветер проникает в самые укромные уголки под одеждой, которая сейчас просто не приспособлена к такой погоде и уж тем более к этому, будь оно трижды неладно, месту.

Путник не отличается гостеприимностью. Он жаден до всего на свете. Особенно до заблудших существ, оказавшихся в нем по воле злого рока.

Впрочем, мистический город — последнее, что меня сейчас волнует.

— Думаешь, убить меня сразу или все-таки попробовать разобраться в ситуации? — насмешливо уточняет скиталица по имени Луна.

Треснувшее ребро болит, добавляя некоторой серьезности выражению моего лица.

— Как твое настоящее имя, скиталица? — вопреки ее ожиданию мирно спрашиваю я. Хотя убить ее сейчас было бы самым логичным.

— Кая, — говорит она и, чуть помедлив, добавляет, будто решив расставить все точки сразу: — Я —

дочь Лео, вождя интуитов.

— Те ледяные глаза...

— Да, это отец убил твою мать.

Ярость вспыхивает, почти не подчиняясь разуму, даже боль от сломанного ребра уже не чувствуется с такой силой, как прежде. Я жесткой хваткой беру ее за шиворот, будто передо мной сам Лео, а не его дочь.

Но девчонка остается спокойной, более того, ее сузившийся взгляд говорит о том, что ей и самой есть за что ненавидеть меня да и всех логиков, вместе взятых.

— Румаи уже уничтожил Лео, — произносит она, опустив глаза. — Так что ты не сможешь отомстить. Прости.

— Думаешь, это что-то меняет? — взрываюсь я, но затем понимаю: меняет.

Всем известно: войну развязали логики. И сделали это не в первый раз. Тому была вполне естественная причина: чем меньше по Небу бродит интуитов, тем сильнее логики. Эволюция и стремление к силе всегда были у нас в крови. Такова наша холодная природа.

Интуиты же, в противоположность нам, — горячие, чувствующие создания. Их силы также угасали, если рядом появлялись мы, но они не стремились устранить помеху, наоборот, хотели сотрудничать. Всегда.

Мы постоянно тренировали свою нечувствительность к миру, они же чувствовали его как ни одно другое живое существо. Все логики полагают, что быть интуитом — означает отдаться на волю чувств

и переживаний. Для нас это прямой путь лишиться силы. Мы изначально устроены иным, прямо противоположным, образом, а потому не можем существовать вместе на одной планете.

— Наворожить ту палку, которой ты огрела Падальщика, наверное, было очень сложно?

Злиться на девчонку не было никакого смысла, поэтому я постарался успокоиться. Она — не ее отец. Да и он просто защищался. К тому же скиталица спасла мне жизнь. Трижды. А оставить такое без внимания я не мог.

— Ты даже не представляешь, насколько! — едва заметная улыбка появилась на губах Каи.

— Но как же ты меня тогда отыскала? Падальщик ведь должен был заметить преследование.

— Скрыла свой запах и, соответственно, присутствие, хотя он в итоге все равно вычислил, кто я такая. На минимальную ворожбу моих сил хватало, однако только на парапете они вернулись почти в полной мере и, чувствую, теперь не уйдут, даже если мы вернемся назад. А мы вернемся.

— Как такое возможно? Твои силы должны быть полностью подавлены, — удивился я, поеживаясь от очередного порыва ветра.

Мы сидели на крыше высокого явно не из этой реальности здания, пытаясь укрыться от холодных потоков за ограждением. Иногда казалось, что ветер в Путнике умеет разговаривать, и сейчас он сетовал и злился, выражая свое нетерпение. Чего он хотел? Бес его знает.

— Я сильная, Кира. Сильнее, чем ты думаешь. И мне многое пришлось вытерпеть, чтобы прийти

сюда и найти главного убийцу Крестострела. Хотя мне и в голову не приходило, что ты окажешься сыном Верховного, — стуча зубами от холода, выговорила Кая. Наконец ей надоело терпеть настырные потоки, как будто специально задувающие в то место где мы сидели, и, наворожив теплый уютный плед, она с наслаждением закуталась в него.

Я смотрел на нее с нескрываемой завистью.

— Залезай, — пригласила она, откидывая одну сторону пледа, чтобы я мог уместиться рядом, — сейчас не до принципов. Вдвоем мы согреемся гораздо быстрее.

Секунд пять я пристально изучал Каю, сосредоточенно обдумывая ее предложение и выискивая в нем потаённый смысл. Особое внимание на руки этой девчонки: не прячется ли там ржавый гвоздь, который уготован моей шее.

Все-таки ненавидеть интуитов и быть по отношению к ним враждебными — в крови у любого логика.

И только после того, как она показала мне открытые ладони, распахнула плед иostroила презрительную гримасу, означавшую: «Вот, смотри, ничего нет, кроме теплого пледа. Никаких заточек, кинжалов и даже тайной ворожбы!», ген агрессивности во мне на время утихомирился, уступив место желанию наконец согреться.

Вурдалак меня дери! Видели бы это логики — убили, не раздумывая. А те, кто из четвертой парсы, вообще издохли бы на месте — сложившаяся ситуация явно выходила за грань разумного и дозволенного и была на пике высшего абсурда.

Покорившись обстоятельствам, я заполз под

плед, ощущая теплое прикосновение плеча Каи. В блаженной неге, охватившей мое тело, зубы наконец перестали выбивать дробь, и теперь стало возможным залечить ребро.

Ветер возмущенно взвыл. Явно был недоволен своим бессилием перед находчивостью скиталицы.

— Расскажи мне все, — попросил я, прикладывая руку к ребру и сосредоточиваясь на ощущениях. Срастить кость — процедура не такая уж сложная: всего-то ускорить обмен веществ в крохотной области, и организм быстро доставит к ней нужные элементы.

Кая посмотрела на меня в задумчивости.

— Не знаю, с чего начать, — наконец произнесла она.

— Например, с того, зачем интуитке понадобился убийца вроде меня, — подсказал я.

— Нет, не вроде тебя, — возразила она, натягивая плед повыше, — а именно ты!

— Как это? Ты же не знала о моем существовании.

— Не знала, но мне было известно, что если пойду в Пирамиду Золтуса, то встречу с тобой. Как видишь, даже придуманное имя помогло. Ты ведь равнодушен к нему, как ни отрицай.

Я презрительно хмыкнул.

— Так звали мою мать. Она снится мне каждую ночь, и каждый раз я вижу, как ее убивают. А потом...

— Потом ты не в состоянии себя контролировать, — подсказывает Кая.

Киваю.

— Так и есть, это невероятно сложно. Вместо меня всем управляют боль и гнев. Я становлюсь логиком,

который лишен всего, кроме этих двух чувств. Но тогда, в баре, приступ был более чем сильный. Видимо, я принял тебя за свою мать и не смог сдержаться. Да и не хотел, если честно.

— Поэтому проявил неимоверную силу. Остановить время в таком радиусе даже на войне никто не мог, — Кая говорит это совершенно серьезно и, похоже, знает цену своим словам.

Я испытываю странную смесь гордости и стыда.

— На уготованном мне судьбою пути уже была эта встреча. Ведьма дала пророчество, в котором сказано, что убийца приведет меня к цели, — когда Кая упомянула ведьму, по всему Путнику пронесся громовой рокот, хотя туч на небе было не так уж и много. Да и не тучи это были — громыхал сам город.

— И эта цель — на последнем уровне Пирамиды, — догадался я, ежась от неприятных звуков.

Кая удивленно уставилась на меня. Ведь о последнем уровне она мне не говорила.

— Скорее всего, это так. Мне необходимо найти и вызволить из вашей Пирамиды одно существо. Кажется, он не может уйти сам, хотя это и странно.

Она говорит о нем как о каком-то всемогущем божестве, свободно разгуливающим по любому из уровней Золтуса, подумал я. Этого не может быть хотя бы потому, что восьмой уровень Пирамиды — это сплошь воины, и, случись что из ряда вон выходящее, они давно бы превратили это существо в пепел, кем бы оно ни было.

— Я говорю о том, кто остановил войну, — закончила она.

— Войну выиграл Румаи, это всем известно, — тут же возражаю я.

— Верховного логика Румаи пощадили! — повысив голос, произносит Кая.

Она что, сошла с ума — говорить такое?!

Румаи!.. Пощадили!.. Это даже звучит дико.

Я начинаю смеяться. Да, от такого заявления не грех и расхохотаться.

— Ты можешь не верить мне, логик, но тот, кто пришел с Земли, одержал победу над вашим Верховным и остановил войну.

С Земли? С планеты-близнеца? Так все-таки слухи оказались правдой: логики смогли открыть проход на Землю!

— Мне, по всей видимости, многое неизвестно, я ведь уже восемь лет живу в Крестостреле. Это не то место, в котором принято посвящать в подобные детали, — говорю я и, не выдержав, мечтательно добавляю: — Невероятно... Земля!

Удивляться приходится лишь мне. Для Каи это все печальные воспоминания.

— Так, значит, ты, полагаясь на какое-то пророчество ведьмы, пришла сюда и надеешься отыскать неведомо кого? — в моих словах так и звучит ирония, но с этим, однозначно, мне никак не справиться. И пытаться нечего.

В существование землянина, остановившего войну, мне тоже не верится, как бы твердо ни заявляла об этом Кая. Народ Земли — пустые сосуды, не имеющие абсолютно никакой силы. Чтобы человек победил Верховного — такой бред и вурдалаку не приснится. Максимум, на что способны зем-

ляне, — так это изредка являться к нам на Небо в качестве бестелесных призраков, которые потом все равно обо всем забывают. Проку от них — ноль, кроме, конечно, информации, что планета Земля в принципе существует.

Каю абсолютно не смущает мой скептический настрой. Для нее есть одно-единственное слово — судьба, и точка. А для меня такого слова нет — вот еще одно различие между интуитами и логиками. Мы существа практичные и в сказки не верим. Даже в самые заманчивые. Холодный расчет правит нашими сердцами, а не романтическая дурь.

— Заметь, Кира, — говорит она, — я ведь нашла тебя. Чем не доказательство?

— Просто совпадение. Тебя чуть не поглотил своей ворожкой Путник. Ты выжила чудом. И то лишь потому, что патруль вовремя обнаружил и по каким-то причинам решил продать на Крестострел.

— Патруль мог отнести меня и на другие уровни, — невозмутимо уточняет она.

Тут, конечно, не поспоришь. Мне неизвестно, почему они допустили такую оплошность. Каю, по идее, должны были отправить на уровень не ниже четвертого.

— Случайность... — с сомнением говорю я.

Кая улыбается, упрямая дуреха, а я вздыхаю:

— Нет, вы, интуиты, сумасшедшие. Просто удивительно, как до сих пор остаетесь живы. Лезть в жерло вулкана, потому что какая-то ведьма даже не точно указала, а только намекнула расплывчатым пророчеством, что там ждет судьба. Немыслимо!

— Просто мы видим в этом скрытый смысл

и трактуем его по-своему.

— Посему выходит, что ты ищешь этого мифического землянина?

Она кивает головой.

— Совершенно верно, мне необходимо вызволить его отсюда, освободить от оков.

— Но откуда, сожри меня оборотень, ты знаешь, что он именно в Пирамиде? Он ведь тебе этого не говорил?

— Нет, конечно. Не говорил, — соглашается Кая. — Но у меня ведь есть вето, я сама его когда-то наложила на него.

— Вето? — переспрашиваю я. — Интуитская ворожба?

— Вето — это нить силы. Она связывает двух созданий, и те никогда не потеряются.

— Значит, ты можешь видеть эту нить, — задумчиво говорю я, вспомнив, как она стояла на мосту и тоскливо смотрела на свое левое запястье, а потом куда-то вверх. — Она привязана к твоей левой руке, если не ошибаюсь?

— Неужели ты тоже ее видишь, логик? — удивилась она.

— Нет. Просто заметил, как ты однажды наблюдала за этой веревкой.

— Нитью силы, — поправила скиталица и наградила меня подозрительным взглядом, что слегка приподняло мое настроение. — Но я почему-то не могу видеть ее полностью. Пока мы тут, в Путнике, нить четко тянется в Пирамиду, но как только я оказалась там — она исчезала на полпути, а иногда и вообще лишь на несколько сантиметров виднелась

вперед. Как я ни старалась увидеть ее полностью, ничего не выходило. Только силы зря тратила.

— Хм, хоть она и не указывает точное местоположение, зато компас из нее вышел неплохой, — сказал я.

— И то верно, — вздохнула Кая.

Плед хорошо согревал нас. Ребро, кстати, спрслось и больше не вызывало неприятных ощущений. Темнота сгущалась все больше, а луна зашла за висевшую прямо над нами Пирамиду.

Интересную, конечно, историю рассказала мне девчонка. Она, выходит, совершенно уверена в том, что я окажу ей помощь. И это, пожалуй, самый главный вопрос. С одной стороны, я ощущаю себя ее должником: столько раз спасти мне жизнь... Вот только одно «но». И это «но» — решающее: я — логик, а она — интуит. Мы скорее будем мешать друг другу, чем поможем. Румаи заслуживает смерти, и не только за то, что пожертвовал моей матерью, но и за то, что заказал меня. Сфера осталась со мной, а наверху найдутся те, кто мне кое-чем обязан. Худо-бедно, но я попаду на девятый уровень. А вот что теперь делать с ней?

Я виновато посмотрел на скиталицу.

— Думаешь оставить меня тут? — догадалась она. — Но у нас уговор, Кира. Неужели логик нарушит слово?

— Знаю, но все изменилось настолько, что мне теперь просто некому продать тебя на верхние уровни. К тому же ты интуитка!

— Которая спасла тебе жизнь, — парировала она. Я в очередной раз тяжело вздохнул.

— Ты еще этого не понял, но судьба начала действовать. Ты в ее планах, Кира. И с минуты на минуту мы продолжим свой путь вместе. Хочешь ты того или нет, — она ни секунды не сомневалась в своих словах.

— Если ты еще хоть раз скажешь о пророчестве и ведьме, я просто с ума сойду от твоих интуитских бредней!

Сразу после этих слов я ощутил напряжение, повисшее в воздухе. Будто сила концентрировалась в одном-единственном месте. Странно, но на этой крыше не было ни одного предмета, который мог бы забрать рассудок в плен. Подобные капканы меня научили распознавать еще в детстве. Бьюсь об заклад: крыша — полностью безопасное место.

Внезапно как гром среди ясного неба раздался голос, выдававший раздражение и одновременно могущество создания, которому он принадлежал, причем неизвестно, чего было больше.

Чувствую, в его власти в любой момент снести нас с крыши. Мы, ясное дело, все равно выживем, но факт остается фактом.

— ВЕДЬМА! ВЕДЬМА! ВЕДЬМА! КАК ЖЕ МНЕ ЭТО НАДОЕЛО! ЖАЛКИЕ, МЕЛКИЕ, НАДОЕДЛИВЫЕ НАСЕКОМЫЕ, У КОТОРЫХ НЕ ПОЛУЧАЕТСЯ ЗАБРАТЬ СИЛУ! ДА ЕЩЕ И ЭТА НАСТЫРНАЯ ВЕДЬМА! — громыхал неизвестный глас.

Несмотря на то что обычно мне редко приходится пугаться чего-то по-настоящему, сейчас я чувствовал, как страх медленно заползает в мое нутро. Кая тоже замерла, глаза ее резко округлились, а зрчки судорожно бегали из угла в угол, выискивая против-

ника. Понятное дело, боевую стойку мы заняли практически одновременно, как только раздалось первое слово.

— ЧТО ВАМ ТУТ НАДО, СПРАШИВАЮ Я ВАС! ЧЕГО ПОВАДИЛИСЬ БРОДИТЬ, УПЕРТЫЕ НАСЕКОМЫЕ, МЕЖ ПРИЗРАЧНЫХ СТЕН, ТОПТАТЬ И БЕЗ ТОГО ЗАПЫЛЕННЫЕ ДОРОГИ ДА ЕЩЕ И НЕ ПОПАДАТЬСЯ В МОИ ЛОВУШКИ?

Мне показалось или оно действительно раздосадовано больше всего тем, что мы не попали в какие-то там ловушки? Ну так ставить их надо лучше. Голос определенно принадлежал безумцу.

— Покажись! — немного придя в себя, потребовал я.

— ПОКАЗАТЬСЯ? — недоуменно воскликнуло нечто, — ЗАДАЧА СЛОЖНАЯ, НО ВПОЛНЕ РАЗРЕШИМАЯ. ТОЛЬКО ЗАЧЕМ МНЕ ЭТО ДЕЛАТЬ? МОЖЕТ БЫТЬ, ВЫ ПРОСТО СПРЫГНЕТЕ С КРЫШИ И ВСЕ?

В этом предложении звучала самая настоящая по-детски наивная надежда. Будто мы действительно можем подумать о том, чтобы покончить жизнь таким идиотским образом! И вообще, если бы не громовые раскаты, голос вполне мог принадлежать не безумцу, а ребенку. Маленькому, нахальному и до наивности хитрому ребенку, у которого никак не выходит заполучить желаемое.

— Ну, допустим, спрыгнем. И что? — решил я проверить свою догадку.

Кая посмотрела на меня как на идиота. Я подмигнул, мол, все в порядке, доверься мне.

— О-О-О, — протянул невидимый собеседник, — Я БУДУ ОЧЕНЬ, ОЧЕНЬ СЧАСТЛИВ! ЭТО СТАНЕТ

НАСТОЯЩИМ ПОДАРКОМ! А МНЕ ВЕДЬ УЖЕ ТЫСЯЧУ ЛЕТ НИКТО НЕ ДЕЛАЛ ПОДАРКОВ.

Похоже, создание испытывало настоящую обиду по этому поводу.

Стоп. Он сказал «тысячу лет»?!

Что ж это получается: ребенок, которому стукнуло тысячелетие? Бред какой-то.

— Ты понимаешь, — сказал я, успокаиваясь, — если мы спрыгнем, то непременно умрем. Это расстроит нас гораздо сильнее, чем если бы мы не получили подарков две... нет, даже три с половиной тысячи лет!

Существо взвыло. То ли от досады, то ли просто заплакало.

— Но с другой стороны, — интригуяще сказал я и выдержал томительную паузу, — мы совершенно точно можем сделать тебе какой-нибудь другой, не менее приятный подарок!

Это сработало: чувство, что за мной наблюдают, выросло стократно.

— КАКОЙ? — с любопытством спросило нечто.

— О, у меня тысячи идей! И все они могут прийтись тебе по вкусу! Но для того чтобы выбрать действительно нужный и полезный подарок, ты должен принять человеческую форму, ну или что-то близкое к ней. Тогда мы все обсудим. Обещаю.

Что ни говори, а возможность держать своего собеседника, особенно от которого исходит угроза, в поле зрения, определенно, успокаивает нервы.

По улицам Путника пронеслась мощная гулкая волна воздуха, так сильно похожая на вздох, за которым обычно должно последовать некоторое требуе-

мое усилие. Например, выполнение осточертевшего домашнего задания. А затем все стихло. Минуты две не было слышно абсолютно ничего.

— Кто это? — прошептала Кая и тут же испуганно прикрыла рот ладошкой: ее шепот на фоне общей пустоты показался невероятно громким. Поэтому она добавила едва слышно: — Что это, пес его возьми, такое?

— Понятия не имею, — так же тихо ответил я, — зато, чувствуешь, хотя бы ветер прекратил плясать вокруг, а то я продрог до костей.

Далеко-далеко внизу послышался шорох и возня. Как будто кто-то копался в земле, только не лопатой, а мысленно — разом разгребая большие пласты песка и мелких сырых камней.

Мы выглянули за ограждение и увидели внизу рядом с домом, на крыше которого находились, вырытую яму. На наших глазах из нее вылетели несколько белеющих, покрытых грязью чумазных палок, направляющихся напрямиком в нашу сторону. После того, как они с глухим треском упали рядом, поняли — никакие это не палки, а самые натуральные кости.

Когда после приземления на крышу очередной партии костей новых поступлений не последовало, нашему взору предстал практически целый скелет.

— НИКАК НЕ МОГУ НАЙТИ ПОСЛЕДНЮЮ!
НАВЕРНОЕ, ПСЫ УТАЩИЛИ В СВОЮ НОРУ...

После этих слов смотреть на то, что происходит со скелетом, не было никаких сил. Мы поспешно отвернулись в сторону, потому что существо принялось искать плоть, которая медленно облепляла

незамысловатый каркас.

— В следующий раз попроси, чтобы оно приняло форму каменного голема что ли. Или вообще чего угодно, только не живого существа, — возмущенно сказала Кая.

Я, едва сдерживая рвотный позыв, согласно закивал головой, всецело выражая раскаяние.

— Ну, так сойдет? — наконец спросило нечто уже нормальным тоном.

Предварительно переглянувшись и приготовившись к любой неожиданности, мы повернулись.

Перед нами возникло не сказать, что прямо ужасное — определенно, более-менее терпимое создание. По крайней мере, блевать от одного его вида уже не тянуло, и на том спасибо. На так называемом лице имелось несколько шрамов, руки и ноги были разных размеров, а в голове зияла дыра, из которой торчали острые края некогда проломленного черепа. Даже некоторое подобие одежды присутствовало: издрязганный в грязи выдавший виды пиджак, рваные штаны и ботинки без носков, как будто покусанные вурдалаками. Этот наряд вовсе не претендовал на статус предмета гардероба, он скорее объединял и служил для скрепления отдельных частей тела, чтобы те ненароком не отвалились.

Бывают же големы из камня или дерева, а вот этот был из костей и полуразложившейся плоти, которая, что немного примиряло с ее существованием, совершенно не воняла. Спасибо небесам за это!

— Это будет твоим первым подарком, — скороговоркой произнесла Кая и моментально наворожила шляпу-котелок синего матового цвета, обвязанную

шелковой тряпкой в красно-бордовую шашечку. Изпод тряпки торчали четыре вороньих пера.

— Позволь-ка, — она подошла к нему, и он, неловко, но все-таки склонил голову и дал водрузить на себя шляпу. — Совсем другое дело! — радостно воскликнула Кая.

— И правда, хороша! Спасибо, — растроганно поблагодарил голем.

— Как тебя зовут? — спросил я.

— Вы что, о землю ударились, — возмутился он, — живете над городом и не знаете, как он называется?

Я, прикусив язык, натурально остолбенел.

Путник?!

Путник!

Ну конечно же, Путник!

— Невероятно! — только и сказал я.

Кая удивленно перевела взгляд на меня, требуя объяснений.

— Это Город, Кая. Перед нами стоит Город, и зовут его — Путник.

Теперь и интуитка не знала, как на это реагировать. Стояла, таращилась и молчала. Да я и сам выглядел не лучше.

Путник всегда был магическим городом. Вокруг него витало множество легенд. Выстраивались мириады домыслов. Никто не понимал, откуда здесь появляются все эти бесчисленные постройки и предметы, а вещи имеют скрытые в них ловушки. Никто.

А теперь вот есть возможность спросить напрямую.

Что может быть проще?

— Не думал, что все-таки смогу вас поймать

в ловушку. Пускай силы и остались при вас, зато внимание ваше я захватил всецело. Забавные ощущения. Никогда такого прежде не испытывал! Вы — любопытные насекомые, — Путник говорил заинтересованно, будто пробуя на вкус новые впечатления, и разве что не причмокивал от удовольствия. — Итак, что вы можете предложить еще?

— Для начала давай познакомимся, — я наконец вышел из ступора, — мое имя Кира, а это...

Договорить я не успел, Путник оживился пуще прежнего.

— Это мне известно, — нетерпеливо прервал он. — Четырнадцать лет и сорок восемь дней назад ты со своим наставником бродил по здешним улицам в поисках ловушек, чтобы тренировать силу. К сожалению, его имя мне неизвестно, ведь ты постоянно обращался к нему «учитель».

— Вот это память! — поразился я.

— Любой уважающий себя город ведет летопись, —счел нужным пояснить ситуацию Город, а затем продолжил: — А ты, Кая, дочь степи, из вольного народа интуитов, стала настоящим бельмом на моих просторах. Шесть дней я пытался сломить твой дух, но удача оказалась на твоей стороне — какие-то странные логики утащили тебя наверх, тем самым избавив от смерти. Хотя я до сих пор не понимаю, чего вы так сторонитесь иного существования?!

Похоже, для него убийство, смерть и то, что будет потом, — нечто само собой разумеющееся, просто способ «иного существования». А мы-то, дураки, шарахаемся от всего этого, надо же!

— Ты сказал «странные»? — снова вмешался я.

— Конечно, странные. Как еще назвать двух полуживых марионеток? Из них и сил-то толком не выпьешь. Впрочем, это уже сделали до меня, — сокрушенно вздохнул он.

Ну, точно, не мог патрульный отряд самовольно отнести скиталицу на Крестострел! Такое ощущение, что в Пирамиде кто-то ведет двойную игру. Неужели Совет снова взбунтовался? Когда начинают происходить подобные вещи, это обычно означает одно — смену власти. И смена эта случится на одном из уровней Пирамиды. На каком? Попробуй разобраться! Хотя, если подумать, Путник ведь сказал, что патрульные были похожи на мертвых марионеток. Такую ворожбу практикуют, начиная с шестого уровня. И сдается мне, что в скором времени сменится либо на седьмом уровне глава в Совете, либо на девятом — Верховный. Шансов в пользу последнего примерно один к тысяче. Румаи безоговорочно подчинятся все воины с восьмого уровня, он их персональный учитель и наставник. И узнай он о грядущем перевороте, зачистил бы ко всем вурдалакам всю Пирамиду вплоть до катакомб Крестострела. Значит, это Совет. Но зачем ему понадобилось сохранять жизнь скиталице? И почему это событие странным образом совпало с приказом Верховного о моей ликвидации?

— Надеюсь, такие, как ты, Кая, дочь степи, и ты, Кира, будут попадаться мне все меньше, — с огорчением заключил он.

Город, похоже, всякий раз расстраиивается, когда у него не получается выпить у кого-то силы. Прямо одержимый какой-то.

— Почему ты так жаден до силы? — неодобрительно спросила Кая.

Голем, разинув пасть, расхохотался.

— В тебе она течет, в нем она тоже течет, — он ткнул полуразложившейся рукой в мою сторону. — Почему бы ей не течь и во мне тоже?

— Резонно, — вздохнула Кая. — Я просто не знала, что ты живешь благодаря ей.

— Все живут благодаря ей, глупая девчонка. Даже камни и трава из других миров. Но мы уходим от темы, вы обещали мне подарок, — напомнил Путник. — Хотя ты свой уже сделала. Твой черед, логик.

Ох и наглый он, этот Город, знает ведь, что не может нам ничего сделать: ловушки его не работают, а этот гнилой кусок мяса так вообще не противник. И все же требует подарок. А я, дурак, с перепугу пообещал. Может, сказать, что передумал? Да, точно, надо сказать прямо, и пусть отстанет.

И только я собрался поставить его на место, как он добавил:

— Поначалу вы мне очень не понравились. Вообще-то, я не люблю подобных вам, таких, кто может сопротивляться моей ворожке! И уже хотел было перенести вас в жерло великого вулкана, от которого погиб один из обитаемых миров, — воздух там стал непригоден для жизни таких маленьких насекомых, как вы. Но я, и правда, уже тысячу лет не получал подарков. А подарок — дело особое, это тебе не какой-то жалкий обмен с угрозами — подобные ощущения опостытели. Подарок дается просто так, как, например, вот эта шляпа, — он ласково провел негнущимися пальцами по одному из пёрышек.

Кая улыбалась. Ей определенно было знакомо такое чувство. А я, спохватившись, передумал отказываться делать ему подарок. Кто же знал, что Путник способен отправить нас куда угодно... Погибнуть в жерле вулкана не самая лучшая участь.

— Давай подумаем, — сказал я, — что хотел бы получить столь могущественный Город?

— Решай сам, логик. Надеюсь, тебе удастся меня удивить, — отозвался Путник.

И тут меня осенило!

— Путник, я помню, что ты был очень недоволен, когда мы с Каей упоминали ведьму.

Гримаса раздражения тут же отразилась на его неприветливом лице. Похоже, я попал в самую точку.

— Да, — подтвердил он, — это чертовка завелась среди моих улиц и не желает уходить, как бы я ей ни угрожал.

— А ты разве не можешь перенести ее... э-э-э... в жерло вулкана?

Он с сожалением вздохнул.

— На ее бесовскую пещеру наложены чары, неизвестные мне. Все бы ничего, но она вечно треплется сама с собой и при этом постоянно меняет голоса. Да еще и позволяет себе обсуждать меня самого, дразниться и издевается, а выходить, чтобы я ее испепелил, не желает. Поначалу я долго разговаривал с ней, стараясь просто-напросто переболтать. Но она поистине безумна. Как я от нее устал! — голем взвыл и схватился за голову, явно копируя где-то ранее увиденный жест.

Сказать, что Кая была потрясена, значит, не сказать ничего. Я уже догадывался, о чем сейчас

пойдет речь. Эта интуитка не менее безумна, чем та ведьма.

— Кира! Это она, ведьма! Сама судьба нам помогает, как я и говорила, — с жаром воскликнула она. — Ты должен у нее побывать. Нет, ты просто обязан.

— Ну, если это избавит от нее Город, то почему бы и нет, — сказал я Кае. А потом обратился к Путнику: — Скажи, если я пойду и попрошу ведьму убрать-ся из... тебя, ты примешь это как подарок?

— ДА! — прогремел оглушительный бас. Город в порыве нахлынувших чувств, кажется, позабыл, что обещал быть более-менее подобным нам.

Я поморщился от оглушительного звука.

— Да, — заметив это, повторил он нормальным голосом. — Это будет отличный, самый лучший подарок. Хотя шляпа, конечно, тоже хороша, и я бы не расстался с ней ни за что на свете.

— Тогда, может, перенесешь нас к ней? — спросил я.

— Нет, пойдем так, — возразил он. — Мне понравилось быть этим существом. Весьма необычно. А я уже давно истосковался по необычному.

Ну да, как же, истосковался он. Просто шляпу не хочет снимать, показушник хренов.

Однако спорить я не стал: язык так и чесался по дороге расспросить его о множестве вещей, потому что меня просто распирало от любопытства. У Каи он тоже, наверное, чесался, но она пребывала в какой-то прострации, вероятно, думая о ведьме и полагая, что сама судьба привела нас к ней.

И мы пошли. Сначала спустились на пятнадцать этажей вниз по, казалось, нескончаемым ступеням.

Запахи прежних хозяев так и норовили забраться поглубже в нос. Хотя тут совершенно точно уже полвека никто не жил, стены впитали в себя воспоминания, и неизвестно, когда они выветрятся окончательно. Пахло едой, старыми вещами и еще чем-то необыкновенным — наверное, теми существами, что когда-то обитали в этой многоэтажке.

— Путник, откуда берутся эти здания? — наконец-то задал я вопрос, не одно тысячелетие терзавший весь Золтус.

— Из разных мест, — коротко ответил Город.

Я был в замешательстве: то, что они берутся из разных мест, и так понятно. Вопрос в том, как они сюда попадают?

— Но как? Это ты их сюда переносишь?

— Конечно, а кто же еще? — ответил он с таким видом, будто это прописная истина, которую стыдно не знать.

— Не знаю, — честно признался я, — я полагал, это у них свойство такое — просто появляются вещи в случайных местах, и все.

— Логик, ну ты даешь! Все, что есть во мне, я выбираю сам лично и порой подолгу раздумываю, прежде чем принять окончательное решение. Знаешь, как порой трудно определиться? Ведь нравиться может многое, но выбрать-то нужно одно.

— Это как в магазин сходить... — привел я нелепое сравнение.

Но Путник не обиделся, напротив, сказал:

— Почти так. — А потом добавил: — Магазины у меня тоже есть. Много.

— А этот дом с Земли? — вдруг спросила Кая.

— Совершенно верно! Его там хотели снести, полагая, что он стал ненадежным. Высотка молила оставить ей жизнь. Глупые люди ничего не слышали и, вместо того чтобы помочь ему стать крепким, собирались убить. Тогда появился я, поговорил с домом, и было принято решение — забрать его сюда. Конечно, в итоге я помог ему укрепиться, за что он мне до сих пор благодарен, хоть иногда и сетует на одиночество.

— Дома не умеют разговаривать, Путник, это всем известно! — возразил я.

— Разговор привычными для тебя словами или без них все равно остается разговором, — Путник смерил меня взглядом. — Мне пришлось выучить ваш язык, а вот вы мой почему-то запомнить не в состоянии. Хотя девчонка делает некоторые успехи — она уже поговорила с домом и выяснила, что он с Земли. Тебе следует поучиться у нее, Кира.

— Ты поняла это по запаху? Так пахло от того землянина? — обратился я к Кае.

— И да, и нет, — ответила она. — Помнишь, я говорила, что почувствовала настроение улиц в Крестостреле?

Я согласно кивнул. Сам мог его ощущать, пускай и учился этому несколько лет не в пример Кае, у которой это вышло сходу!

— Тут что-то наподобие этого. Но только... другое, — расплывчато объяснила она.

Путник расхохотался, мы его, похоже, очень развлекали.

— Не пытайся это понять, Кира. В привычном для тебя языке нет слов, чтобы описать «такой» разговор.

Но ты все же, видимо, способен ощущать мой родной язык, понимать близкие тебе образы и объясняться через них.

— А как он называется? — с любопытством спросил я, когда мы уже были на улице.

Путник остановился и, не говоря ни слова, уставился на меня. Я тоже застыл, глядя на него и ничего не понимая. Наконец ему надоело ждать, и он нетерпеливо потребовал:

— Ну? Я уже три раза повторил.

— Боюсь, я ничего не услышал или не почувствовал, — смущенно сказал я.

Было действительно неловко, обычно мне все удавалось схватывать на лету. Кая, выходит, гораздо лучше может понимать Город. У нее и запах улиц получилось узнавать сразу.

— Вы, логики, вообще, творите какое-то безобразие. С вашим стремлением отречься от всех чувств, вы упустите этот мир, — недовольно проворчал Путник.

— Но иначе мы потеряем силу, — возразил я.

Путник расхохотался вновь, но объяснять ничего не стал.

— Вот с Золтусом было действительно интересно! Ни ты, ни даже интуиты не чета ему. Хотя с последними гораздо приятнее общаться, — он ласково посмотрел на Каю, а я чуть не лишился дара речи, потому что он сказал... «Золтус»!

— Неужели ты знал Золтуса? Сколько же тебе лет? — воскликнул я.

— Одиннадцать тысяч сто десятый год, скоро пойдет сто одиннадцатый. Через несколько дней, —